
Стивен Бакстер
ЗЕМЛЯ-2

Земля-2

Стивен М. Бакстер

Аннотация
Стивен Бакстер. Земля-2
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10

Аннотация

Спустя четыреста лет после накрывших Землю катаклизмов потомки пятнадцати первопоселенцев пытаются выжить, понять свою роль в новом мире и понять, кто такие Мертвые — аборигенная раса планеты, вымершая в катастрофе и не оставившая от себя почти ничего.

Стивен Бакстер
Земля-2

СТИВЕН БАКСТЕР

ЗЕМЛЯ-2

1

Возвращайся домой, Ксайя Уиндру!..

Оберегая раненую левую руку и держа в правой бокал с трофейным британским вином, Ксайя выпрямилась в кресле.

— Домой, Тейф?.. — Она через силу улыбнулась. — Но почему?! Мы же только начали, и по-моему, начали неплохо. Спроси воинов — они скажут тебе то же самое.

Ксайя, ее адмирал Тейф и командир морского десанта Мэнда сидели под серебристым тентом, натянутым на носу флагманского парусника «Кора». На полированном столе перед ними были разложены карты Архипелага и обоих полушарий, придавленные хрустальными флягами с вином.

«Кора» вместе с остальными кораблями флота стояла на рейде в километре от острова Манхатан, низкий скалистый берег которого дрожал и расплывался в знойном мареве. Над горящими постройками порта поднимались столбы черного дыма, по узким улочкам непрерывным потоком двигались к причалу отряды воинов и запряжен-

ные рослыми конями повозки, низко сидящие в воде десантные баржи с трофеями и пленниками курсировали между берегом и стоящим на рейде флотом. Над беспомощным, поверженным городом лениво плыли огромные воздушные шары, на которых сиял золотой герб дома Уиндру. Далеко на горизонте, словно еще один пожар, краснели на вершинах холмов уродливые шапки пурпура.

Жара с каждым часом усиливалась. Апрель был самым «горячим» месяцем второй фазы весны: солнце все еще уходило за горизонт каждую ночь, но днем поднималось почти в зенит, заливая мир светом и зноем, как тягучее, сладкое вино наполняет подставленную чашу. Даже праздно сидеть под светоотражающим тентом было нелегко, что же говорить о солдатах, которым приходилось работать! Тем не менее с берега то и дело доносилась трескучая ружейная пальба, да изредка — гулкий орудийный выстрел. Несмотря на жару, зачистка покоренного острова шла полным ходом.

— В том-то и дело, — сказал Тейф. — Я разговаривал с экипажами. Люди измотаны, Госпожа, и успели стосковаться по своим домам.

Адмирал был коренастым, кряжистым пяти-

десятилетним мужчиной, обладавшим невероятной физической силой и изощренным умом военного стратега. Лицо его скрывала густая седая борода, глядя на которую Ксайя в очередной раз подумала, что в теплое время года Тейфу приходится несладко.

Мэнда громко фыркнула и поднялась во весь рост, держа бокал с вином на вытянутой руке. Она была выше Ксайи, с мускулистыми руками и ногами, широкими плечами и развитой грудной клеткой. Ей было тридцать — на несколько лет меньше, чем Госпоже. Голову она брила наголо, но это ее не портило; напротив, в своей сверкающей броне она выглядела как ожившая статуя прекрасной богини-воительницы. Общее впечатление дополнял тяжелый железный меч, который, даже находясь на флагманском корабле, в окружении отборных моряков, Мэнда держала в пределах досягаемости.

— Не слушай этого старого морского волка, — сказала она. — Мои воины пойдут за тобой куда угодно. Так было и раньше, а после весеннего штурма — особенно. Они тебя просто боготворят.

Штурм острова Манхатан, осуществленный по инициативе Ксайи в самом начале холодной весны, положил конец многолетней войне про-

тив островного государства Британии — самого опасного соперника и конкурента Зиландии в Архипелаге. Жестокие зимние холода и болезни погубили немало воинов, зимовавших на вмерзших в морские льды судах, прежде чем Ксайе пришел в голову дерзкий план, с помощью которого зиландцам удалось взломать оборону островитян. Еще в прошлом году, в прохладные дни первой фазы лета моряки перестроили часть кораблей, снабдив их широкими и прочными, неглубоко сидящими в воде корпусами. Благодаря этому с наступлением осенних и зимних холодов они не вмерзали в лед, а оказывались на нем. В первую же неделю календарной весны экипажи полностью освободили свои суда от наметенных вдоль бортов сугробов, и упряжки боевых коней с особыми, снабженными шипами подковами потащили парусники по льду на штурм острова. Огонь корабельных батарей обрушился на защитников береговых укреплений внезапно, и не успели жители Манхатана подтянуть резервы, как остров был взят.

Мэнда нисколько не преувеличила, когда сказала, что среди моряков и солдат Ксайя пользуется авторитетом. Власть Госпожи Зиландии — как звучал ее официальный титул — действительно

была велика. Вместе со своим мужем Фомом Робеллом она была Спикером зиландского парламента, к тому же оба принадлежали к самым уважаемым в стране семействам, напрямую происходящим от легендарных Основателей. Несмотря на то что в парламенте у них были свои противники, Ксайя и Фом, чей семейный союз еще больше укрепился с рождением сына Макса, правили Зиландией эффективно и мудро, и это признавали буквально все. А после победы над Британией, когда войска Зиландии захватили богатые трофеи, моряки и солдаты действительно были готовы пойти за своей Госпожой и в огонь, и в воду.

— Для них ты настоящая королева-воительница, — продолжала Мэнда. — И что немаловажно, королева, которая умеет одерживать победы. С тобой они без ропота пошли на войну с Британией, и даже когда мы оказались у Манхатана…

— Я не предвидела, что из-за шторма мы собьемся с курса и окажемся здесь, — перебила Ксайя. — Нам еще повезло, что в конце концов мы вышли именно к Манхатану. А поскольку этот остров является союзником британцев…

— Манхатан разорвал союз, когда Зиландия объявила войну Британии, — негромко напом-

нил Тейф.

— Это ничего не меняет. Пусть Манхатан и бывший союзник нашего давнего врага, все равно он понес заслуженное наказание. И военная добыча, которую мы здесь взяли, принадлежит нам по праву.

— Нам больше не нужны трофеи, — вставил адмирал. — Трюмы и так набиты битком.

— Ты слишком осторожен, Тейф, — рассмеялась Мэнда. — Когда у тебя появляется шанс отличиться, нужно им пользоваться, а не думать о всяких там последствиях. И потом, разве не ты убедил нас преследовать британскую армию после того, как пал Ландон?

Тейф демонстративно повернулся к Ксайе.

— Если потребуется, мои экипажи тоже пойдут за тобой хоть на край света, — сказал он. — Это так. Но моряки — обычные люди, и у них есть семьи… Большинство воительниц Мэнды — матери, которые оставили своих детей ради этого похода, поэтому с куда большей радостью они отправились бы домой. Именно об этом они говорят между собой, когда думают, что я их не слышу. — Адмирал окинул Госпожу цепким взглядом. — Да и тебя тоже ждут дома. Война выиграна, пора возвращаться к мирной жизни.

Ксайя, волнуясь, встала рядом с Мэндой, глядя на пылающий прибрежный город.

— К мирной жизни!.. — выговорила она с легким презрением.

— Именно так, — твердо повторил Тейф. — Британия повергнута в прах, нужно создавать Империю Архипелага. Кто займется этим, если не ты?

— Боюсь, из меня выйдет плохой строитель, — усмехнулась Ксайя. — Кроме того, это Фом носит на шее Четырнадцать Сфер, а не я.

— В мирное время муж и жена должны править вместе. Так было всегда.

В Зиландии действительно существовал обычай: мужчины занимались политикой, а жены вели войны, если возникала необходимость применения военной силы. Теория, приписываемая самим Основателям, гласила, что женщины, по природе своей не столь кровожадные, как мужчины, не станут затевать войны из пустого тщеславия, а будут действовать исходя, в первую очередь, из государственных и национальных интересов. Возможно, теория была права, но на свой счет Ксайя не обольщалась: к ней эта чушь не относилась никак.

— Кроме того, — добавил Тейф, — у тебя есть

Макс. Ты не видела сына уже несколько лет.

Мэнда рассмеялась.

— Ему сейчас только-только исполнилось четырнадцать. Или ты думаешь, что мальчишка успел отпустить бороду, как у тебя?

— Вернись домой, Госпожа, — терпеливо повторил Тейф, не обратив на слова Мэнды никакого внимания. — Ты победила Британию — самое сильное государство Архипелага. Разве в мире осталось еще что-нибудь, что стоило бы твоих усилий?

Нахмурившись, Ксайя порывисто бросилась в кресло и так резко придвинула к себе одну из карт, что едва не опрокинула прижимавшую ее к столу флягу с вином. Лишь в последний момент Мэнда молниеносным движением успела подхватить сосуд.

— Весь мир и остался! — воскликнула Ксайя. — Как ты не понимаешь?!.. Наш Архипелаг — просто точка на поверхности планеты. Есть еще и континенты: Пояс, Тарелка…

Тейф недовольно засопел.

— Всем известно, что Тарелка — безжизненная песчаная пустыня, где даже пур-пур растет только по побережью. Что касается Пояса, то эта полоска суши населена лишь дикими лошадьми

да горсткой людей.

Ксайя не ответила; нахмурившись, она вглядывалась в карту. Континент под названием Пояс вытянулся длинной, узкой полосой почти от полюса до полюса. Большая его часть была, разумеется, непригодна для жизни, исключение составляли лишь экваториальные области. Но именно там, почти в центре узкой полосы суши, находился единственный на континенте крупный населенный пункт под названием Арарат. Правда, карта была довольно приблизительной, однако она все же давала некоторое представление о масштабе, и Ксайя ткнула в нее пальцем.

— Посмотри сам. Отсюда до Арарата почти такое же расстояние, как до Зиландии.

Мэнда согласно кивнула.

— Верно. Мы могли бы добраться туда и вернуться еще до конца первой половины лета.

— Арарат основан на том самом месте, где когда-то приземлились Основатели. Именно там находится посадочный челнок. Северная и южная части Пояса почти не обследованы. Кто знает, быть может, нам посчастливится отыскать другие реликвии Основателей?

Тейф покачал головой с таким видом, словно уже жалел о том, что затеял этот разговор.

— Ерунда! Неужели вы действительно намерены исследовать Пояс? Это же огромный и к тому же совершенно бесполезный кусок земли!

— Почему бы нет? — отрезала Мэнда. — У британцев есть легенды о Городе Мертвых, который находится где-то на севере Пояса. Если сокровища пришельцев существуют, то они спрятаны именно там!

Сокровища пришельцев… При этих словах по спине Ксайи пробежал холодок волнения, хотя вокруг было по-прежнему жарко и душно, как в бане.

— Согласно тем же легендам, Город Мертвых может находиться далеко на юге, — насмешливо возразил адмирал. — Таково свойство всех сокровищ — они всегда находятся где-то вне пределов досягаемости. Поговори с учеными Четырех Университетов — с хранителями наследия Основателей. Они скажут, что о Городе Мертвых почти ничего не известно. В отчетах о наблюдениях с орбиты о нем даже не упоминается.

— Основатели обследовали не всю планету. В том, что Мертвые существовали, никаких сомнений нет. Это доказывают и развалины на Малой Ямайке, и находки, сделанные на самом Архипелаге, — сказала Ксайя. — И если сравнить

предания нашего народа с мифами британцев и со сведениями, которые мы, вероятно, получим в Арарате, мы наверняка сумеем…

— О каких преданиях ты говоришь, Госпожа?! — перебил Тейф. — Ведь первые люди появились на Земле-2 каких-нибудь четыреста лет назад. Конечно, для того чтобы создать несколько увлекательных сказок, этого времени достаточно, но…

Повернув голову, Ксайя медленно оглядела свой флагманский корабль, его свежеотремонтированные борта и помятые броневые плиты в деревянных рамах. Победа над Британией означала конец ее свободе принимать самостоятельные решения, но теперь у Ксайи вдруг появился шанс достичь величия и славы, прежде чем она будет вынуждена вернуться к упорядоченной мирной жизни, которую лишь изредка разнообразили столкновения с супругом (преимущественно по вопросам государственного управления).

— Я уверена, нам это по силам, — твердо произнесла Ксайя, принимая решение. — У нас достаточно кораблей и обстрелянных, опытных моряков и солдат. Наши трюмы набиты трофейным оружием и порохом. Ни одна сила на Земле-2 не может противостоять нам!

— К тому же у нас достаточно времени, — поддакнула Мэнда. — До начала второй, жаркой фазы лета еще несколько месяцев…

— Но за летом придет холодная осень, а потом наступит зима, способная заморозить самый мозг в костях. А на севере, куда вы собираетесь отправиться, будет еще холоднее, чем на средних широтах… Не позволяй ей себя уговорить, Ксайя! Я хорошо тебя знаю: ты часто действуешь под влиянием эмоций, но сейчас не тот случай, чтобы давать чувствам власть над собой. Не слушай Мэнду — там, дома, ее никто не ждет, вот она и подталкивает тебя к разного рода авантюрам.

Мэнда с угрозой улыбнулась, но промолчала.

— Не поддавайся минутному капризу, Госпожа, — продолжал адмирал. — Путешествие на север будет стоить множества человеческих жизней, к тому же в случае неудачи ты потеряешь все, чего уже достигла. Я хорошо понимаю, почему ты откладываешь возвращение… — добавил он. — Тебе просто не хочется приступать к своим обязанностям!

— Из всех людей, — спокойно проговорила Ксайя, — только тебе позволено говорить мне подобные вещи.

— Я говорю тебе правду. Это мой долг и моя

работа.

— Я отправлю домой один корабль, чтобы сообщить Фому о моих планах. Думаю, эта экспедиция задержит мое возвращение домой на год, не больше.

— Матросы будут очень недовольны, — хмуро предупредил адмирал. — Они любят тебя, Госпожа, но… Многие из них считают, что война с Британией обошлась слишком дорого. С обеих сторон погибло немало людей, а ведь все мы — прямые потомки Основателей, дети одних и тех же Великих Пятнадцати. Когда-то наши предки бежали с затопленной Земли, и сюда они явились вовсе не затем, чтобы воевать друг с другом. Если бы сейчас Основатели могли видеть нас, своих детей, они бы сказали…

Ксайя фыркнула.

— Ты сам себе противоречишь, Тейф. Основатели были отважными людьми, но они уже четыреста лет как мертвы. Пройдет еще столько же времени, и мы, наверное, станем поклоняться им, словно богам, забыв, что они были такими же, как и мы. — Она резко встала и, не сдержавшись, поморщилась от боли в руке. — Я хочу убедиться, что наших ресурсов хватит, чтобы добраться до Пояса. Сегодня до захода солнца вы оба должны

предоставить мне подробные отчеты по личному составу, запасам продовольствия и вооружения, состоянию судов. Все ясно?.. Действуйте. — И, поставив на столик бокал с вином, Ксайя быстро вышла в ослепительный солнечный свет.

2

Возвращайся домой, Ксайя Уиндру!..

Эта фраза снова и снова звучала в ушах Фома Робелла пока вместе с ректором Чивианом он неторопливо шагал вдоль возвышающегося над океаном утеса. Следом двигались помощники и секретари с широкими зонтиками от солнца в руках. Последними шли другие ректоры, несколько парламентариев и — на некотором отдалении от них — четырнадцатилетний сын Фома Макс и его домашний учитель Ян Стэндиш — пожилой, но еще очень подвижный и деятельный ученый. Похоже, идея строительства Библиотеки, с которой вот уже некоторое время носились ректоры, принадлежала именно ему. Краем глаза Фом присматривал за сыном, который то и дело ускорял шаг и, выйдя из тени зонтов, оказывался под палящими лучами солнца.

Остановившись на краю утеса, ректор Чивиан втянул в себя свежий морской воздух. Ему было за сорок, на несколько лет больше, чем Фому. Высокий, осанистый, ректор выглядел очень внушительно в белой парадной мантии.

— Здесь почти прохладно, — заметил он, раздувая ноздри.

— Ветер дует над морем и охлаждается, — пояснил Спикер, подходя вплотную к обрыву. Трава, вывезенная с Земли, плохо росла на выжженных солнцем камнях, зато похожий на комковатую слизь пур-пур покрывал почву сплошным ковром. Фом наподдал носком сандалии один такой комок, и тот немедленно рассыпался мелкой красной пылью. Ветер подхватил ее и унес прочь.

— Наткнувшись на утес, ветер поднимается вверх, поэтому здесь действительно прохладнее, чем в других местах. Во всем поместье это самое приятное место — особенно во втором летнем или первом осеннем полусезоне. И уж конечно, никакого сравнения с Орклундом, который лежит в километре отсюда. Там, я знаю, трудно укрыться от жары даже в самых крепких каменных домах. Но все равно без зонта здесь лучше не появляться, — добавил Фом с легким вздохом. Он отлично знал, что если бы Ксайя была здесь, она бы разгуливала по площадке над морем без всякого зонта, подавая опасный пример сыну.

Ректор Чивиан, по-видимому, неплохо разбирался в людях. Как бы там ни было, он явно почувствовал, что Фом подумал о жене.

— Надеюсь, экспедиция Госпожи Ксайи на север пройдет без неприятных неожиданностей, — сказал он. — Быть может, ей посчастливится узнать что-то интересное, сделать новые важные открытия.

Фом снова вздохнул. Его чувства пребывали в смятении с тех самых пор, когда в Орклунд вернулось несколько судов из флотилии Ксайи. Они доставили в Зиландию трофеи и пленников, раненых и детей, народившихся за время многолетней кампании, но главным было известие о том, что Госпожа отправилась исследовать Пояс.

— Откровенно говоря, — проговорил Фом, — я бы предпочел, чтобы Ксайя вернулась домой, ко мне и сыну, вместо того чтобы скитаться неизвестно где.

— Нам следует высоко ценить отвагу и мужество Госпожи, — вежливо отозвался Чивиан. — И да будет мне позволено заметить, именно мужество требуется от нас прежде всего. Особенно сейчас.

Фом покачал головой. Как и следовало ожидать, ректор снова пытался вернуть разговор к своей излюбленной теме — Библиотеке.

— Вы выбрали не самое подходящее время, сэр, — сказал Фом. — Особенно учитывая обсто-

ятельства.

Ректор слегка приподнял ухоженные брови.

— Не понимаю, почему нельзя обсудить идею строительства, не касаясь частностей. — Он поглядел на солнце, которое проступало горячим светлым пятном даже на плотной ткани зонта. — Второй, самый жаркий весенний полусезон подходит к концу, скоро наступит прохладная фаза лета. Умеренная температура плюс двадцатичетырехчасовой световой день — по-моему, лучших условий для начала строительных работ и придумать нельзя. Если все пойдет по плану, подземное хранилище будет полностью готово еще до того, как начнется первая фаза осени. Оно сможет принять Книги вне зависимости от того, будет ли построена надземная часть комплекса.

Книги Основателей — сто восемь внушительной толщины фолиантов — содержали информацию, которую удалось спасти, когда отказало собранное еще на Земле электронное запоминающее устройство. В этих книгах было записано все, что знали и во что верили Основатели и первое поколение их потомков. Эти сведения также касались истории покинутого ими мира — планеты, с которой они были вынуждены бежать, спасаясь от страшных природных катаклизмов. Поколе-

ния ученых из Четырех Университетов Зиландии терпеливо работали над расшифровкой Книг под руководством Совета ректоров.

— Строительство Библиотеки позволит сохранить наследие Основателей в целости вне зависимости от любых внешних обстоятельств, будь то стихийные бедствия или человеческие ошибки, — продолжал ректор, видя, что Фом молчит. — И это будет лучшим способом почтить память Основателей. С другой стороны, что может быть страшнее для нас, если эти Книги — последнее звено, связывающее нас с планетой, откуда мы все произошли, — будут утрачены?

— Избавьте меня от социальной рекламы, ректор. — Фом поморщился. — Вы не хуже меня знаете, что существуют и другие способы сохранить Книги в неприкосновенности, и для этого вовсе не обязательно опустошать государственную казну. Для начала вы могли бы снять с каждого тома по нескольку копий.

— А кто будет сверять эти многочисленные копии с оригиналами, позвольте вас спросить? Нас захлестнет настоящий шквал ошибок и искажений, смысл оригинальных текстов будет утрачен…

— …Как обратится в ничто и ваша власть об-

ладателей уникальных текстов. Да-да, именно так!.. — Фом не на шутку рассердился. Интересно, спросил он себя, посмел бы ректор сказать что-либо подобное, если бы Ксайя стояла сейчас здесь в своих доспехах и с пистолетом на ремне?

Ректор слегка попятился.

— Мы с вами реалисты, Спикер, — проговорил он. — У нас обоих есть свои собственные цели и амбиции, но я не вижу в этом ничего зазорного. Так уж устроен мир. Тем не менее поверьте, сейчас я говорю вполне искренне… Основатели были настоящими героями, они покинули свой гибнущий мир и отправились в космос, чтобы найти мир новый. В конце концов они прилетели сюда, на Землю-2, и именно их смелость и отвага дали нам жизнь — в буквальном смысле слова. Это были великие люди, Спикер, по-настоящему великие, и нам до них еще очень далеко.

— Вовсе они не были великими, — сердито перебил Фом. Как и его жена, он начинал испытывать раздражение всякий раз, когда при нем пели осанну Основателям, которые, по большому счету, были самыми обыкновенными людьми.

— Вы так считаете, Спикер? — Чивиан снова шевельнул бровями.

— Во всяком случае, не в физическом смысле. —

Фом сухо усмехнулся, подавляя гнев, и кивнул на держащих зонты секретарей — очень рослых, с бочкообразной грудной клеткой. — Я слышал, что если бы мы вдруг оказались на старой Земле, самые высокие ее обитатели не доставали бы нам и до плеча. Если, конечно, там еще остался кто-то живой.

Ректор пожал плечами.

— Сила тяжести в нашем мире несколько меньше, чем на старой Земле, вот мы и растем… Это естественно.

— Но память о мире, из которого мы произошли, сохраняется в наших телах, в нашем языке. Даже названия месяцев у нас вполне земные.

— Это просто традиция, сэр, — покачал головой ректор. — Она не играет большой роли. Куда важнее то, что записано в Книгах. Из них мы знаем, что Земле-2 не хватает естественных ресурсов, которыми была богата старая планета. Здесь нет залежей нефти, угля, урана, нет даже подходящих руд, чтобы мы могли изготавливать стальные мечи вместо железных. Основатели знали атомную энергию и покорили космос, а мы выходим в море на деревянных парусниках и палим друг в друга из ружей, заряженных порохом. Увы, на Земле-2 нелегко создать развитую техно-

логическую цивилизацию. Если нам и суждено когда-нибудь преодолеть отсталость, на которую обрекает нас недостаток естественных ресурсов, это произойдет, только если мы станем опираться на мудрость и знания Основателей. Лишь так мы можем надеяться когда-то сравняться с ними. А Библиотека — единственный способ сохранить знания, которые когда-нибудь непременно нам пригодятся.

— Вы не ответили на мой вопрос о времени, ректор. Почему вам загорелось строить Библиотеку именно сейчас? Куда вы так торопитесь? Какая опасность угрожает вашим драгоценным текстам в ближайшем будущем? Дело не только в Книгах — вы выбрали не самое удачное время и для страны в целом. В конце концов, мы едва завершили многолетнюю войну, и хотя нам удалось одержать победу, народ устал, да и ресурсы государства основательно истощены. Даже военная добыча, какой бы богатой она ни была, не покрывает издержки целиком.

— Я попытаюсь объяснить, почему текущий момент представляется нам наиболее благоприятным, — проговорил Чивиан. — В Книгах Основателей рассказывается о похожем эпизоде из истории старой Земли. В 1492 году Фердинанд

и Изабелла, правители небольшой страны Испании, завершили войну против мусульман, которая длилась не годы — столетия. Но даже одержав победу, они не стали почивать на лаврах. Вместо этого они финансировали еще одно дерзкое предприятие — экспедицию некоего Колумба, который отправился через океан искать удобный путь в далекую страну Индию, а открыл новый континент — Америку. Вы замечаете аналогию?

— Я не Фердинанд. — Фом усмехнулся. — И мы не на старой Земле… — Широким жестом он указал на океанский простор, где неясными темными пятнами проступали ближайшие острова Архипелага. — Вот это наш мир, наш дом, наша эпоха. И поверьте, ректор, в первую очередь нас интересуют развитие торговли, возможность строить новые суда и прокладывать новые торговые пути, чтобы с их помощью создать Империю, которая охватывала бы весь Архипелаг. Спросите любого зиландца, чего бы он желал для своей страны в ближайшем будущем, и я уверен — никто из них не станет упоминать об Основателях, не говоря уже о Колумбе.

— Вы имеете в виду амбициозный план Госпожи Ксайи, — осторожно заметил ректор. — Но одно другому не…

— И мне думается, — перебил Фом, — что отсутствие Ксайи — еще одна причина, по которой вы стараетесь уговорить меня начать строительство до того, как она вернется и наложит на проект полное и окончательное вето.

— Уверяю вас, сэр…

— Я хочу понять только одно, ректор: почему вы так торопитесь с этим строительством. Что за спешка? Скажите Яну Стэндишу, пусть он просветит меня, только учтите: я хочу знать правду. И не пытайтесь запудрить мне мозги вашей ученой белибердой. Пока вы не убедите меня, что Библиотеку нужно строить именно сейчас, никакие работы не начнутся. И пусть мой сын тоже в этом участвует: они со Стэндишем неплохо ладят, так что для парня это будет хорошая школа. Ведь в один прекрасный день он тоже может стать Спикером… — Фом усмехнулся. — Вы меня поняли?

Ректор поклонился.

— Я постараюсь организовать все как можно скорее.

— Нисколько в этом не сомневаюсь.

После этого оба немного помолчали, а потом снова двинулись вдоль края утеса, огибая бугрящиеся среди камней заросли пур-пура и наслаждаясь относительной прохладой морского

бриза, который, однако, был не в силах развеять возникшее между ними напряжение.

3

Май был в самом разгаре, когда флот Ксайи достиг Пояса.

Совсем немного оставалось до начала прохладного летнего полусезона, когда и люди, и вывезенные с Земли животные и растения наслаждались умеренными температурами и бесконечными световыми днями. Как и большинство отпрысков высокопоставленных семей, Ксайя неплохо представляла себе механику смены времен года на Земле-2, обращавшейся вокруг звезды, которую Основатели, руководствуясь какими-то своими соображениями, назвали Восемьдесят второй Эридана. Ось вращения планеты была расположена под очень незначительным углом относительно плоскости эклиптики, поэтому в промежутке между весенним равноденствием и летним солнцестоянием северный полюс Земли-2 с каждым днем все больше поворачивался в сторону центрального светила. В результате даже на средних широтах, где находился сейчас флот Ксайи, солнце опускалось за горизонт всего на час-полтора. День продолжал удлиняться, а

температура, наоборот, снижалась, поскольку солнце уже не поднималось так высоко в зенит, как в самые жаркие дни апреля — начала мая. А лучшие ученые Четырех Университетов Архипелага когда-то учили Ксайю, что именно высота солнца над горизонтом определяет его способность нагревать воздух планеты.

Разумеется, Ксайя, глядевшая с борта «Коры» на побережье Пояса, была рада наступившей прохладе, но то, что открывалось сейчас ее глазам, ей не очень-то нравилось. Побережье представляло собой красновато-бурую, словно ржавую, пустыню, где не росло почти ничего, кроме вездесущего и абсолютно никчемного пур-пура. Засушливое, пыльное, чуть холмистое пространство выглядело не слишком подходящим для путешествий. Лишь в нескольких местах однообразие пустыни нарушали широкие долины, спускавшиеся к самому океанскому побережью. В устье одной из таких долин — в дельте неторопливой, мутно-красной от несомого водой ила реки — стоял порт Александрия. Он служил морскими воротами Арарата, располагавшегося на некотором расстоянии от берега. Порт был довольно оживленным — сюда заходили и каботажные суда, обслуживавшие прибрежные поселения

на самом Поясе, и торговые корабли островных государств Архипелага, в том числе небольшая флотилия британских парусников с беженцами, искавшими здесь укрытия от ужасов войны.

Высадившись на берег, Ксайя первым делом разыскала зиландского посланника — суетливого маленького человечка средних лет по имени Алейн Джефарес. Он сидел один в захламленном маленьком кабинете и отчаянно скучал. Появление высокопоставленной Госпожи застало его врасплох; Джефарес даже слегка растерялся, но это было вполне объяснимо — приезжие из Зиландии бывали на Поясе сравнительно редко. Торговцы не жаловали эти места, поэтому посланнику приходилось иметь дело главным образом с паломниками, учеными и немногочисленными туристами, жаждавшими своими глазами взглянуть на священное место посадки Основателей.

Ксайя была несколько удивлена тем обстоятельством, что официальные власти до сих пор не удосужились связаться с посланником — хотя бы за тем, чтобы узнать, с какой целью прибыл в Александрию военный флот Зиландии. В ответ на ее прямой вопрос Джефарес объяснил, что центральная власть на континенте факти-

чески отсутствует; люди живут в независимых городах-государствах, которые находятся друг от друга на довольно значительном расстоянии и поддерживают между собой почти исключительно торговые отношения. Разумеется, время от времени города объединяются в союзы, которые, впрочем, быстро распадаются. Торговля тоже носит сезонный, спорадический характер. Бывают и конфликты, вызываемые главным образом спорами о таможенных тарифах и протекционистских барьерах, однако посланник не слышал, чтобы города-государства всерьез воевали друг с другом из-за размеров ввозных пошлин. Насколько он знал, никто из местных правителей никогда не пытался подчинить себе соседей и создать крепкое централизованное государство, подобное тем, что существовали на Архипелаге. Не предпринимали подобных попыток и островные державы, хотя некоторые из них, случалось, засылали на пояс небольшие отрядики. Теоретически, такие отряды могли, конечно, захватить один-два города, но на жизнь на континенте это никак не повлияло бы — слишком разобщены и отдалены друг от друга чисто географически были человеческие поселения. Как поняла Ксайя, правительство Александрии, верное политике

невмешательства и нейтралитета всех по отношению ко всем, тоже не стремилось форсировать ситуацию. Именно по этой причине местные власти игнорировали стоящий на рейде флот в расчете на то, что чужаки исчезнут так же внезапно, как появились.

— Я же говорил, здесь нет ровным счетом ничего, за что стоило бы сражаться, — насмешливо сказал Тейф, когда Ксайя поделилась с ним новостями. С адмиралом трудно было не согласиться, однако оставить все как есть было не в характере Ксайи. Для начала она распорядилась отправить в Александрию двух офицеров, в обязанности которых вменялось начать процедуру конфискации находящихся в порту британских кораблей, а Джефаресу приказала организовать конвой, который доставил бы ее со спутниками в Арарат.

Первую ночь они провели в роскошной гостинице на окраине Александрии. Гостиница носила название «Отдых Основателей» и была украшена вырезанными из дерева портретами всех пятнадцати звездных путешественников. Ксайю как почетную гостью поместили в номере имени Томаса Уиндрупа. Похоже, легендам об Основателях придавали в Александрии особое значение.

Спала она, впрочем, не слишком хорошо.

Некстати разболелась раненая рука, к тому же Ксайя уже отвыкла спать на суше. За годы войны покачивающаяся под ногами корабельная палуба стала ей гораздо привычнее.

К утру Джефарес сумел нанять несколько экипажей, чтобы доставить в Арарат Ксайю, Тейфа, Мэнду и полсотни отборных солдат. Головной экипаж, предназначавшийся для Госпожи, был запряжен четверкой могучих боевых коней, столь рослых, что обычный человек не доставал им и до плеча. Остальные повозки тянули волы с огромными, тяжелыми рогами.

Покинув порт, конвой двинулся в глубь континента по пыльной, изъезженной дороге. На протяжении нескольких первых километров путников преследовали портовые крысы — откормленные коричневые существа размером со среднюю собаку. Они бежали по обочинам и время от времени выскакивали на дорогу, норовя вцепиться в ноги волов кривыми желтыми зубами. Джефарес, ехавший в экипаже вместе с Ксайей, отгонял тварей ударами плоской стороны ржавого меча.

— Вот еще одно наследие старой Земли, — проговорил запыхавшийся посланник, отирая пот со лба. — Наверное, ни на одном острове Архипелага

нет такого количества крыс.

— В Зиландии их действительно мало, — согласился Тейф. — Во всяком случае, таких крупных тварей я еще никогда не видел.

— Это имеет какое-то отношение к пониженной силе тяжести, — пояснил Джефарес. — Земные животные вырастают здесь более высокими при той же костной массе, к тому же воздух у нас более разреженный, чем на старой Земле, а это значит, что тварям небольшого размера не хватает кислорода. Они вынуждены развивать легкие, а это опять-таки имеет отношение к размерам. Вот почему на Земле-2 крысы вырастают такими большими. Так считали Основатели.

Ксайя покачала головой. Она пробыла на Поясе всего день, но постоянные упоминания об Основателях успели ей порядком надоесть.

Дорогу до Арарата проложили почти по прямой, а глубокие колеи свидетельствовали, что ею пользовались достаточно часто. Окружающий пейзаж, впрочем, выглядел довольно уныло. Дорога вела через пустыню, сплошь покрытую мелкой ржавой пылью. Лишь кое-где валялись обломки камней, да на горизонте маячили невысокие, пологие холмы. Ксайя никогда не интересовалась геологией, но у нее сложилось

впечатление, что местность, по которой они движутся, буквально дышит древностью: в окружающем ландшафте преобладали плоскости и плавные линии, разительно отличавшиеся от резких, изломанных очертаний молодых вулканических гор, к которым она привыкла на островах Архипелага.

По пути им несколько раз встречались небольшие поселки — и больше ничего. Земной растительности почти не было, если не считать кактусовых зарослей да нескольких лужаек, покрытых выгоревшей травой, зато пур-пур попадался довольно часто. Казалось, он захватил все сколько-нибудь пригодные для произрастания участки почвы и благоденствовал. Несколько раз Мэнда развлечения ради заставляла своего погонщика направлять экипаж прямо на скопления пур-пура и злорадно смеялась, когда копыта волов превращали растения в пылящие облака спор.

К счастью, скучное путешествие оказалось коротким. Вытянувшийся почти от полюса до полюса Пояс был довольно узким — всего несколько сотен километров шириной, — поэтому скоро над горизонтом показались очертания удивительного города. Своими размерами Арарат не

превосходил большинство городов Зиландии, но выстроен он был из камня такого же красного цвета, что и пустыня вокруг. Впрочем, даже издалека Ксайя различала пятна зеленой растительности на крышах и стенах. Город стоял на берегу еще одной широкой, медлительной реки, в которую погрузили свои лопасти огромные, неторопливо вращавшиеся колеса водяных мельниц и электростанций. Необычной оказалась и планировка города. Он был сильно вытянут с севера на юг и окружен высокой стеной, которая при взгляде сверху напоминала очертаниями водяную каплю.

— Он похож на корабль! — крикнула Ксайе Мэнда из своего экипажа. — На корабль из камня, который повернут носом на юг, а кормой на север.

— Для чего такая странная форма? — спросила Ксайя у посланника. — Чтобы привлечь побольше паломников?

— Вряд ли, — отозвался Джефарес. — Насколько я знаю, стена вокруг города имеет чисто утилитарное назначение. — Он поглядел на солнце. — Думаю, через пару дней вы сами все поймете.

— Что ж, подождем…

Уже на самом подъезде к городу они миновали несколько фермерских полей, на которых догнивали остатки не до конца убранного урожая, вновь запаханного в землю. Никаких строений здесь не было — только поля. Когда Мэнда спросила, где же живут сами фермеры и почему они не до конца убрали летний урожай, Джефарес только пожал плечами.

— Потерпите немного, и вы все узнаете.

У широких металлических ворот, сделанных заподлицо с поверхностью стены, посланник вступил в переговоры с городскими стражами, вооруженными карикатурными алебардами. Прислушавшись, Ксайя поняла: жители Арарата говорят на том же варианте амблийского, который использовался на Архипелаге, хотя в их речи присутствовали и выразительные местные диалектизмы. Выяснив, что придется платить входную пошлину, Госпожа испытала новый приступ раздражения.

Пока посланник договаривался со стражами насчет размеров платы, Ксайя выбралась из экипажа и подошла к стене. Вблизи она выглядела еще внушительнее, вздымаясь как минимум метра на три над ее головой. Гладкая, будто отполированная, каменная поверхность тянулась

влево и вправо насколько хватало глаз.

Тейф, подошедший к Ксайе сзади, задумчиво провел кончиком пальца по цементному шву между каменными блоками.

— Как странно… — проговорил он задумчиво. — Эти камни такие гладкие! Непохоже на дело рук человеческих.

Приглядевшись, они обнаружили, что поверхность стены над их головами была совершенно обычной, грубо-шершавой, как простой камень. Отполированной оказалась только нижняя ее часть на высоте двух — двух с половиной метров от земли.

— Может быть, это ветер? — озадаченно пробормотала Мэнда.

— Странный ветер, — пожал плечами адмирал. — Почему он дует только понизу?

Пока они обменивались впечатлениями, Ксайя услышала звук, похожий на далекий гром или орудийную канонаду. Звук доносился с севера, и, взглянув туда, она увидела над горизонтом растущую полоску красно-оранжевой пыли. Должно быть, подумала она, надвигается песчаная буря.

Тем временем Джефарес договорился со стражами и пригласил Госпожу и ее спутников пройти в ворота. Город оказался настоящим лабиринтом

узких, мощенных красноватым булыжником улочек, над которыми нависали фасады каменных, с толстыми стенами домов, разделенных широкими полосами огородов и небольших полей, засеянных кукурузой, пшеницей, овсом. И повсюду им встречались люди… Вдоль неряшливой, выщербленной мостовой, по которой вел караван посланник, сновали оборванные дети, сбегавшиеся поглазеть на невиданное зрелище, молча стояли угрюмые взрослые. Почему все они живут здесь, в этой тесноте и грязи, спросила себя Ксайя. Не лучше ли было построить дома за городской стеной, на полях, которые они видели при подъезде? Ведь, как сказал посланник, на континенте не было войн, и угроза не нависала над городом. Зачем же тогда жить друг у друга на голове, внутри каменных стен?

В самом центре Арарата высилось какое-то массивное здание. Вытянутое в длину, украшенное башенками, барельефами и статуями Основателей, оно напоминало главный Христианский собор в Зиландии, но имело какие-то неестественные, увеличенные пропорции. Скорее всего, это было пресловутое Святилище Шлюпки. Ближайшие к нему дома, увенчанные зелеными шапками устроенных на крышах садов, тоже

производили впечатление общественных. Отвечая на вопрос Ксайи, Джефарес подтвердил ее догадку, сказав, что именно здесь разместилось городское правительство, его министерства и службы, а также обслуживающие чиновников уборщики и повара.

Путешествие Ксайи и ее спутников завершилось у входа в лучший отель города, названный, как нетрудно было предположить, в честь Основателей. У дверей многоэтажной каменной башни Джефарес снова вступил в какие-то переговоры с охраной гостиницы. Заметив, что посланник передал воинам еще пачку зиландских долларов, Ксайя почувствовала, как к ней возвращается давешнее раздражение.

— Что с тобой? — Тейф, прекрасно чувствовавший настроение Госпожи, дружески тронул ее за плечо.

— Ничего. — Ксайя нахмурилась. — Просто я чувствую себя словно в лабиринте: кругом сплошные стены, загадки и… Основатели. Неужели я отказалась от возвращения домой ради посещения паршивого музея? Здесь же нет ничего, достойного внимания!

Адмирал шевельнул кустистыми бровями.

— Тебя предупреждали, но ты не послушала.

Не ответив, Ксайя шагнула вперед и окликнула посланника, оторвав его от переговоров.

— Джефарес… да прекрати ты кланяться! Я хочу, чтобы ты устроил мне экскурсию к Шлюпке. Я хочу взглянуть на посадочный челнок, и меня нисколько не интересует, какие шлюхи будут развлекать моего адмирала сегодня ночью.

— Да, разумеется, Госпожа. Сюда, пожалуйста… — Застигнутый врасплох посланник быстро справился с растерянностью. Одного из офицеров Тейфа он оставил заканчивать переговоры с гостиничными стражами, а еще двоих отправил вперед, в Святилище, чтобы предупредить хранителей Шлюпки о прибытии высокопоставленной соправительницы Зиландии.

От отеля до Святилища было совсем недалеко — не больше пяти минут пешком. Под его высокой сводчатой крышей сияло множество электрических лампочек с розоватым стеклом, изготовленным, по всей вероятности, из красно-бурого песка пустыни. На пороге их уже ждал главный жрец — молодой, чисто выбритый парень лет двадцати с небольшим, одетый в пыльную бархатную хламиду, расшитую изображениями звезд и планет. Сам он, впрочем, назвался смотрителем музея Основателей.

— Чан Гил к вашим услугам, Госпожа… — Произнеся эту единственную разумную фразу, он понес околесицу насчет того, что, хотя с простых паломников взимается немаленькая плата, которая идет на содержание, уход и т. п., для правительницы великой Зиландии он готов сделать исключение. Лицо у парня было умное, но он явно переволновался; ему, впрочем, хватило самообладания, чтобы незаметно спрятать в карман хламиды небольшую мзду, переданную ему Джефаресом.

— Добро пожаловать в музей, Госпожа. Смотровая галерея вон там. Именно оттуда лучше всего виден наш бесценный исторический экспонат.

Несмотря на то что и в Зиландии на увековечивание памяти Основателей расходовалось немало социальной энергии (и материальных ресурсов), Ксайя довольно критически оценивала их вклад в становление современной цивилизации. Однако сейчас, поднимаясь по лестнице, высеченной в каменной кладке стены, она почувствовала, как сердце ее начинает биться чаще. И то сказать: не каждый день ей доводилось прикоснуться к Истории.

Наконец они поднялись на балкон-галерею, вдоль которой выстроились в ряд ящики для

пожертвований. Шлюпка находилась метрах в двадцати под балконом и была похожа на жирную, уродливую птицу с широким туловищем, нелепыми короткими крыльями, белой спиной и черным брюхом, которая — словно не в силах лететь дальше — припала грудью к слежавшейся оранжевой земле. За Шлюпкой тянулась широкая полоса взрытого грунта. Вдоль борта посадочного челнока Основателей было написано крупными рублеными буквами: СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ. Эти слова ничего Ксайе не говорили.

— Ее лобовые иллюминаторы похожи на глаза, — пробормотала Мэнда, не в силах скрыть беспокойства. — Я просто не могу оторвать от них взгляд!

— Это самая настоящая реликвия Основателей, — негромко сказал Тейф. — Первая, какую я вижу своими собственными глазами, если не считать Четырнадцати Сфер, которые носит на шее наш Спикер. Подумать только — эта летающая лодка была сделана руками наших далеких предков еще на старой Земле! От одного этого кому угодно станет не по себе.

— Представьте себе такую картину… — Чан Гил окончательно пришел в себя и заговорил голосом профессионального экскурсовода. — Четыреста

лет назад, когда Основатели совершили Посадку на этом самом месте, здесь не было ничего — ни Святилища, ни даже самого города. Отделившийся от корабля челнок сел в голой пустыне, среди многих квадратных километров оранжевой пыли и зарослей пур-пура. Прежде чем остановиться, Шлюпка некоторое время катилась по земле, и ее колеса оставили в пыли глубокие следы. Эти следы, бережно восстановленные нашими экспертами по фотографиям, сделанным еще Основателями, тянутся почти на полтора километра. В городе за пределами Святилища следы защищают от разрушения специальные панели из прочного стекла. А недавно нашим ученым удалось выяснить, что первым из землян, ступившим на землю новой планеты, была Кора Рубельс — предок вашего уважаемого супруга, Госпожа…

— Сейчас она уже общий предок, смотритель. Ваш в том числе, — поправила его Ксайя. — Скажите лучше, зачем здесь столько ящиков для пожертвований?

Чан Гил виновато развел руками.

— Как я уже говорил, Госпожа: хотя в нашем музее только один экспонат, содержать его обходится недешево. Наши предки умели строить, однако годы берут свое, и Шлюпка требует пери-

одического ремонта.

— Мне кажется, — вмешалась Мэнда, — хвостовое оперение смотрит не в ту сторону, в которую нужно. Но ведь Шлюпку сохранили такой, какой она была, когда приземлилась, не так ли?

— Не совсем, — пояснил Чан. — Челнок с самого начала был спроектирован таким образом, чтобы после посадки первые колонисты могли использовать его детали для строительства жилищ. Так появился Арарат — первый город на этой планете, построенный из панелей Шлюпки. Лишь впоследствии потомки Основателей разыскали разбросанные по всему городу части и снова смонтировали их согласно сохранившимся чертежам.

— Неужели удалось найти все детали? — удивился Тейф.

— Почти все, — кивнул Чан.

— А вы уверены, что Шлюпка установлена именно на том самом месте, где она приземлилась в первый раз? — спросила Ксайя.

Чан Гил открыл рот и снова его закрыл.

— Скажем так: мы почти уверены… Не хотите ли подняться на борт, Госпожа? Там вы сможете увидеть койки Основателей и воспользоваться их туалетом. Он до сих пор отлично работает!

Мэнда покачала головой.

— Мне одно непонятно, почему Основатели совершили посадку именно на Поясе? Ведь одного вида этого пустынного континента должно было хватить, чтобы отбить у них желание остаться здесь навсегда. На их месте я бы, скорее, выбрала один из островов Архипелага.

— Основатели были учеными, пытливыми исследователями, — жизнерадостно пояснил Чан Гил. — Им показалось удобным, что именно на Поясе представлены все климатические зоны и почти все возможные типы природных условий: речные долины, прибрежные экосистемы, полярные области и прочие. Основатели стремились узнать как можно больше о новом мире, пока действуют их приборы и функционируют электронные архивы. Это было их наследство и их дар нам — грядущим поколениям. Кроме того, Архипелаг они тоже обследовали и даже побывали на Тарелке. И все это — в течение жизни двух первых поколений.

— Но теперь это мертвые знания, не так ли? — перебил Тейф.

— Что ты имеешь в виду? — Ксайя недоуменно нахмурилась.

— Когда внуки Основателей перестали изу-

чать планету и начали строить собственный мир, именно тогда и началась настоящая История. — Адмирал сплюнул на пыльный пол галереи. — Вот только предки нынешних жителей Арарата в этом уже не участвовали. Они утратили дух инициативы и любознательности и в результате до сих пор живут на том же самом месте, где когда-то приземлился челнок с первыми Пятнадцатью. Они ничего не строят и ничего не создают — только взимают денежки с паломников и ученых за возможность взглянуть на это собранное из деталей древнее чудо.

— Я здесь не ради Основателей и их реликвий, — отрезала Ксайя и снова повернулась к Чану: — Я ищу Город Мертвых.

Смотритель пораженно уставился на нее.

— Вау!.. — вырвалось у него. Ксайя еще никогда не слышала это диалектное словцо, но оно показалось ей достаточно выразительным.

— Основатели тоже его искали, — добавил Чан, справившись с первоначальным изумлением. — Точнее, они искали следы расы разумных существ, которая когда-то обитала на этой планете. Вы, конечно, знаете, что это они открыли руины на Малой Ямайке и Риф…

— Риф? — Ксайя нахмурилась. — Это еще что

такое?

— Еще одни древние развалины, которые находятся к северу от Арарата. К сожалению, это просто руины, ничего больше. Но если вам, Госпожа, хочется узнать, куда ушли Мертвые, вам придется отправиться дальше, гораздо дальше…

— Ну вот, я так и думала… — Ксайя покачала головой. — Что ж, по крайней мере у нас есть откуда начать. Осмотрим Риф, а там видно будет.

— Далеко до него? — практично осведомился Тейф.

— Приблизительно тысяча километров к северу, — ответил Чан.

Адмирал сокрушенно покачал головой, а Мэнда рассмеялась.

— Вы это серьезно? — Тейф все еще не верил.

— Почему бы нет? Часть флота можно отослать домой, — рассудительно сказала Ксайя. — По крайней мере, матросы будут счастливы… во всяком случае, большинство из них. Останется только пара кораблей, которые смогут подстраховывать нашу экспедицию, следуя за ней вдоль побережья. Только нужно отобрать самых надежных людей — тех, кто любит приключения. Будем охотиться и ловить рыбу, так что с продовольствием проблем не возникнет. Во всяком случае,

эта причина не заставит нас повернуть назад, даже если путешествие получится долгим.

Издалека снова донесся глухой рокот, похожий на гром. Ксайе даже показалось, что массивное здание Святилища слегка задрожало. С потолка посыпалась побелка, странно похожая на снег.

— Что это? Землетрясение? — встревожилась Мэнда. Джефарес, о котором все забыли, поскольку он не участвовал в общем разговоре, неожиданно рассмеялся.

— Здесь не бывает землетрясений, генерал.

Мэнда грозно нахмурилась. Она терпеть не могла, когда над ней смеются. Схватив посланника за лацканы сюртука, она без особых усилий оторвала его от земли.

— Тогда что это, говори, ты, ничтожество!

— Не сердитесь! Я вам все покажу! Постойте…

Дождавшись кивка Ксайи, Мэнда поставила посланника на пол. Джефарес пошатнулся, откашлялся, поправил сюртук и первым зашагал к выходу с галереи.

Снаружи таинственный грохот слышался гораздо лучше. И он не был прерывистым, как во время грозы или бури, а постоянным, нарастающим. Ксайя заметила, как Тейф и Мэнда тревожно переглянулись — вероятно, им казалось, что где-

то поблизости идет нешуточное сражение.

Вслед за посланником и Чаном трое зиландцев направились к городской стене и, поднявшись по еще одной каменной лестнице, вышли на галерею, тянущуюся вдоль парапета. Там уже собралась небольшая толпа горожан, которые внимательно смотрели на север.

Равнина больше не была пуста. Сплошной стеной, перекрывавшей весь горизонт от края до края, на город накатывала настоящая лавина животных. Ксайя видела огромных диких лошадей, рядом с которыми лучшие боевые кони Зиландии и Британии казались карликами, рослых быков, длинноногих овец и даже птиц — голенастых индеек, которые неслись по равнине наравне с четвероногими. Над стадом, летевшим с огромной скоростью, поднималось в воздух густое облако красной пыли — наверное, именно его они заметили над горизонтом несколько часов назад. Время от времени кто-то из животных спотыкался и падал; упавшего тотчас затаптывали бегущие сзади, потом в дело вступали хищники — коты, собаки и похожие на крыс существа, которые в считаные мгновения разрывали несчастную жертву на кровавые лоскуты. В такие мгновения в бурлящем, как река, потоке

зверей возникали небольшие водовороты, но уже через минуту спины бегущих снова смыкались, скрывая от взглядов наблюдателей и хищников, и их добычу.

— Я рад, что вы увидели это своими глазами, Госпожа! — закричал над ухом Ксайи Джефарес, с трудом перекрывая гром и топот множества копыт. — Животные могут идти мимо города несколько дней.

— Теперь я понимаю, почему остатки урожая брошены, а поля не обрабатываются для следующего посева, — громко сказал Тейф, наклоняясь к Ксайе с другой стороны. — И почему город имеет форму лодки. Взгляните сами… — Взмахом руки адмирал указал на север. Там, где стены сходились под острым углом, напоминая нос корабля, огромное стадо разделялось на два потока, обтекая город с двух сторон. Так река огибает остров или глинистую отмель, подумала Ксайя. Не удивительно, что нижняя часть стены была гладко отполирована прикосновениями тысяч и тысяч мчащихся тел.

— От чего они бегут? — спросила она у Чана.

— В это время года — от жары. В жаркий летний полусезон, когда северный полюс обращен непосредственно к солнцу, тамошние земли букваль-

но поджариваются и становятся непригодными для жизни. Зимой, когда полюс отклоняется в сторону, морозы достигают такой силы, что даже самые большие реки промерзают до дна. В таких условиях животным остается только впадать в сезонную спячку или мигрировать. Многие виды пересекают экватор и уходят в южное полушарие. На нашей планете земные животные вырастают большими и сильными, они очень выносливы и умеют быстро бегать, потому что расстояния, которые им приходится преодолевать, очень велики. Но только на Поясе, который тянется почти от полюса до полюса, животным есть куда бежать — вот они и бегут. В детстве мы с братом даже пытались подсчитать, сколько разных зверей проходит мимо города в один час, но это оказалось невозможным. Это и в самом деле очень интересно, — добавил Чан после паузы. — Можете мне поверить: прежде чем стать смотрителем в музее, я некоторое время увлекался изучением сезонных миграционных процессов.

— Похоже, в вашем городе подобная любознательность — явление редкое.

— Что поделать, Госпожа… — Чан пожал плечами. — Возможно, мы здесь и впрямь немного разленились. Паломники, туристы, ученые едут

к нам, чтобы взглянуть на Шлюпку, а мы… мы только собираем деньги и с каждым годом становимся богаче, не прилагая при этом особых усилий. Что касается меня, тут, наверное, дело в моем восхищении миром, в котором я живу. Мне нравится знать, как он устроен, поэтому я в конце концов и стал ученым-самоучкой.

— Самый лучший тип ученых, — пробормотала Ксайя вполголоса и, повинуясь внезапному импульсу, добавила: — Там, куда мы направляемся, нам может понадобиться проводник. Не хочешь отправиться с нами?

— К Рифу? Вы это серьезно? — Чан в изумлении уставился на нее.

— Абсолютно.

— Еще бы! Можете голову прозакладывать!

Последних слов Ксайя не поняла — наверное, это была еще одна местная идиома, но улыбка на лице смотрителя не оставляла сомнений в положительном ответе.

— Смотрите, что там творится! — воскликнула Мэнда, указывая вниз, и Ксайя перегнулась через парапет. Горожане с помощью блоков и канатов опускали со стен длинные бревна, с которых свисали прочные сети. Бегущие животные — кони, быки, овцы и даже несколько длинноногих

свиней — запутывались в них, и тогда бревна под визг ручных лебедок снова поднимали.

— За пару дней гона можно добыть мяса на несколько месяцев, — пояснил Чан. — У нас в Арарате даже дичь сама приходит к охотнику.

— Если пойдешь со мной, на легкую жизнь можешь не рассчитывать. Это я тебе обещаю.

Смотритель снова ухмыльнулся.

— Вот и отлично.

Тем временем сети с барахтающейся добычей втянули через специальные проемы в стенах. Пойманных животных — многих с переломанными ногами и спинами — тут же забивали, а туши волокли прочь. Потом сетчатые ловушки снова опустились в живую реку, чтобы подниматься еще много, много раз.

4

Максу нравилось слушать Яна Стэндиша, смотреть, как учитель чертит графики и выводит уравнения на аспидной доске или с воодушевлением размахивает руками, поясняя одну из своих сумасшедших гипотез. Стэндишу тоже было приятно проводить время с Максом, однако он не забывал и о недавнем поручении ректора, который потребовал от него доказательно убедить отца парня в необходимости строительства Библиотеки. У Стэндиша все было готово — собственно говоря, о Библиотеке он мог говорить в любое время дня и ночи, однако встреча со Спикером раз за разом откладывалась. Отца Макса постоянно отвлекали какие-то дела, важнейшим из которых стало возвращение флота, одержавшего победу над Британией. Доставленная военная добыча оказалась столь велика, что впору было опасаться за состояние экономики страны. Сама Ксайя со своими судами не вернулась, а это означало, что свободного времени у Спикера будет еще меньше, поскольку вся тяжесть государственного управления ложилась

на его плечи.

Стояло начало июня, близился день летнего солнцестояния, который знаменовал собой середину прохладного летнего полусезона — времени года, когда северный полюс планеты смотрел прямо на солнце. На средних же широтах, где находилась Зиландия, дни становились бесконечными в буквальном смысле слова. Светило кружило по небу, вовсе не заходя за горизонт; оно согревало, но не пекло, и все живое начинало дружно тянуться к свету и мягкому теплу. Воспользовавшись благоприятной погодой, Макс и Стэндиш часто совершали длительные загородные прогулки, во время которых учитель показывал ученику элементы затейливого танца охотника и жертвы, повторявшегося с незначительными вариациями на всех уровнях. Вскоре молодой человек окончательно убедился, что крошечные трагедии мира насекомых, происходящие в укромных уголках леса или в трещинах камней, мало чем отличаются от кровавых загонных охот, когда многотысячные стаи диких собак преследовали по внутренним равнинам острова еще более многочисленные стада травоядных. Кое-какие общие закономерности Макс открыл сам, об остальном рассказал ему учитель.

Все живые существа, происходящие со старой Земли, говорил Стэндиш, по-прежнему подчиняются наследственным биоритмам, приобретенным их далекими предками. Все живое — включая человека — существует по земным биологическим часам и по-прежнему стремится к благословенному покою ночного мрака, который дает отдых мышцам и разуму. Да, добавлял он, покачивая головой, несмотря на прошедшие четыреста лет, в наших сутках по-прежнему двадцать четыре часа, хотя астрономические сутки Земли-2, то есть период ее обращения вокруг собственной оси по отношению к звездам, составляет около тридцати земных часов. Но и это деление носит условный характер, сказал Стэндиш, поскольку во всех районах планеты — за исключением экваториальных областей — существуют периоды, в течение которых солнце не заходит вовсе. На широте Зиландии, к примеру, этот период составляет восемьдесят звездных дней. Кроме того, каждую зиму солнце в течение определенного времени не поднимается над горизонтом даже днем.

«Человеческие тела нуждаются в сне. Особенно это касается молодых, — добавил Стэндиш с легкой завистью. — Когда ты станешь старше, сон

не будет иметь для тебя особого значения. Тем не менее наше общество организовано таким образом, чтобы обеспечить каждому человеку время для „ночного“ отдыха, даже когда солнце не опускается за горизонт круглые сутки. И точно так же зимой, когда солнце уходит с небосвода на долгих полтора месяца, существуют периоды бодрствования, которые устанавливаются в зависимости от наших внутренних, земных биоритмов, а вовсе не в соответствии с чередованием дней и ночей — или с отсутствием такового. Разумеется, эти правила могут нарушаться, когда идет война или случается катастрофа, как, собственно говоря, перестают существовать и действовать многие другие законы мирного времени. В живой природе о подобных искусственных установлениях не может быть и речи, но тем не менее и хищники, и их жертвы выработали особый ритм жизни, который облегчает им выживание: охотники охотятся, пока добыча не успела спрятаться на ночь, жертвам же привычка отдыхать в определенное время позволяет не быть съеденными во время сна. В результате мы наблюдаем весьма сложную картину межвидовых взаимодействий, обусловленную заложенными на биологическом уровне поведенческими инстинктами. Нет никаких

сомнений, что существующее положение вещей сохранится еще долгое время, пока эволюционные процессы не заставят животных отказаться от устаревших земных биоритмов и усвоить новый жизненный цикл, который полностью соответствует особенностям Земли-2».

Говоря обо всем этом, Стэндиш специально уточнил, что меняющаяся продолжительность светового дня не оказывает, разумеется, никакого влияния на пур-пур, который давно приспособился к местным климатическим условиям и прекрасно себя чувствует даже на самых неподходящих почвах.

Бесконечные ласковые дни прохладной фазы лета благоприятствовали не только бурному расцвету природы. Люди словно сбрасывали напряжение суровых будней и начинали вести себя иначе. С томительной завистью Макс наблюдал за тем, как молодые придворные, многие из которых были всего на год-два старше него, с удовольствием предаются древнейшей игре, в которой были и флирт, и соблазнение, и торопливое соитие в укромном уголке. Правда, по статистике, большинство зачатий приходилось ни бесконечные ночи холодной половины зимы, но именно прохладным летом завоевывались

сердца, создавались и разрушались союзы, заключались брачные договоры. Увы, младшие дочери министров, парламентариев и торговцев, с которыми Макс сталкивался при дворе, были одержимы идеей стать воительницами, как Мэнда или Ксайя, а их агрессивные манеры пугали молодого человека буквально до дрожи. Нет, думал Макс, уж лучше он, подобно Стэндишу, будет заниматься наукой, которая единственно способна защитить его от волнений и соблазнов людского мира.

Из всего, что показывал молодому человеку ученый; больше всего заинтересовал Макса пур-пур.

Однажды Стэндиш повел своего воспитанника далеко за город. Миновав окружавшие Орклунд фермерские поля, они достигли необработанных травянистых пастбищ. Здесь ученый достал небольшую складную лопатку и, вывернув несколько пластов жирной, черной земли, предложил Максу взглянуть на нее повнимательнее. Наклонившись, молодой человек увидел, что среди переплетенных корнями травы комков перегноя краснеют крошечные шарики пур-пура.

— Вот наглядная картина того, как идет наша колонизация Земли-2, - сказал Стэндиш. — До того как челнок Основателей приземлился на этой

планете, здесь не было ни одного квадратного метра плодородного чернозема. Я уже рассказывал тебе, что почва — продукт жизнедеятельности насекомых, примитивных микроорганизмов и бактерий, большинство из которых не видны невооруженным глазом — этакая своеобразная фабрика жизни, созданная самой природой. Видишь этого дождевого червя? Его предки пересекли межзвездное пространство в специальном контейнере и первыми начали колонизацию Земли-2. Черви, бактерии и микробы со старой Земли — вот тот передовой отряд, который преобразует почву планеты, делая ее пригодной для привычных нам растений и для нас самих. Эта работа продолжается уже четыре сотни лет, и все равно нам удалось захватить лишь ничтожную часть планеты. Все остальное занято аборигенной флорой, возможно — еще более древней, чем наша, и она вовсе не собирается сдаваться.

— Но ведь местная жизнь — та, которая существовала до прибытия Основателей, — очень похожа на нашу, — возразил Макс. — Я учил в школе… Здешним растениям нужны для жизни те же химические элементы, что и земным — углерод там и всякое такое…

— Углерод и всякое такое… — Стэндиш улыб-

нулся, обнажая щербатые зубы. — Да, конечно. Здешняя жизнь действительно использует хорошо нам известный углеродный обмен, однако набор аминокислот, содержащихся в пур-пуре, отличается от того, который мы встречаем у земных растений. Согласно одной из теорий, жизнь на планетах развивается из спор, которые свободно путешествуют в космическом пространстве с кометами и метеоритами. Нет никакого сомнения, что жизнь на старой Земле и Земле-2, которые по космическим масштабам не так уж далеки друг от друга, произошла из одного и того же источника, который может находиться на огромном расстоянии от обеих планет. Но много миллионов лет назад, когда жизнь на старой Земле и Земле-2 была еще на первой, примитивной стадии развития, произошли некие серьезные изменения, в результате которых появились абсолютно чужие друг другу жизненные формы. Например, на Земле-2 наследственные признаки зашифрованы не в структуре ДНК, а в молекулах РНК…

— И поэтому животные и люди не могут питаться пур-пуром?

— Да. И именно поэтому пур-пур не может питаться людьми.

Макс вздохнул.

— Основатели, конечно, все это знали, правда? Ведь все, чем мы сейчас занимаемся — это пытаемся разобраться, что они делали и почему. Если б вы только представляли, как бы мне хотелось быть одним из них! А еще лучше было бы родиться на старой Земле тысячу лет назад.

Стэндиш снова улыбнулся.

— Ну, не знаю… И здесь люди пытаются учиться, думать, делать открытия, во всяком случае — некоторые из них. Для этого нам и нужна Библиотека — чтобы сохранить все, что было известно нашим предкам. На основе этих знаний мы сможем двигаться дальше, и первые шаги уже сделаны. Хочешь, я расскажу тебе о том, чего Основатели не знали?

— Конечно, хочу!

Стэндиш размял в ладонях горстку земли и извлек из нее несколько пурпурных комочков. Ненужную землю он стряхнул обратно в траву.

— Посмотри… То, что мы привычно называем пур-пуром, в действительности является многоклеточным образованием, как бы олицетворяющим биосферу Земли-2. Пур-пур имеет красный цвет, потому что…

— Я знаю! Потому что в нем содержатся особые

вещества, которые пур-пур использует для получения энергии от солнца.

— И которые отличаются от хлорофилла земных растений: ему они обязаны зеленым цветом своих листьев. Все верно, Макс… — Стэндиш потер комки пур-пура, и когда они превратились в споры, осторожно взял одну пылинку на кончик пальца.

— Каждая такая спора представляет собой конгломерат клеток, — сказал он. — Три вещи отличают их от земных растений. Во-первых, каждая спора есть самостоятельный организм. Это означает, что она может выжить, даже если рядом не окажется других форм жизни. Брось одну такую спору на голый камень, и она сразу же начнет извлекать из окружающей среды необходимые для жизни углерод, азот и другие вещества. Иными словами, каждая спора пур-пура представляет собой самостоятельную и самодостаточную биологическую единицу с универсальной программой выживания, закодированной в ее геноме.

Во-вторых, пур-пур — единственный многоклеточный организм, который мы обнаружили на Земле-2. Его споры способны объединяться с себе подобными и образовывать сложные стабильные

формы наподобие земных строматолитов или низших грибов. Но и те, и другие на деле представляют собой не что иное, как конгломераты спор, которые в любую минуту могут превратиться в несомую ветром красную пыль, которая, попав в новые условия, снова образует новый сложный организм. Таким образом, уникальность Земли-2 заключается в том, что вся биосфера планеты — по крайней мере на многоклеточном уровне — представлена фактически одним организмом.

— Ну а какова третья особенность?

— По окаменевшим останкам, сохранившимся в глинистых оползнях и осадочных породах, мы можем предположить, когда именно появились на этой планете многоклеточные формы жизни. Это произошло примерно пятьсот сорок миллионов лет назад.

Макс нахмурился. Эта цифра не произвела на него особого впечатления.

— Ну и что?

— На старой Земле разнообразные многоклеточные организмы появились во время так называемого Кембрийского взрыва. Тоже пятьсот сорок миллионов лет назад.

Юноша был заинтригован.

— Выходит, это произошло почти одновремен-

но на обеих планетах? Но что могло вызвать появление многоклеточных организмов? Не те ли космические споры, которые, как вы говорили, дрейфуют в межзвездном пространстве?

— Многие считают, что причина именно в этом. Непонятно другое: как сложно организованные жизненные формы могли появиться в космосе без какого-либо вмешательства некоей посторонней силы. Механика эволюционного перехода от одноклеточных организмов к многоклеточным слишком сложна, поэтому вероятность такого перехода ничтожно мала. Чтобы на той или иной планете возникла жизнь, ей нужно помогать, Макс… Ученые — во всяком случае, многие из них — считают, что пятьсот сорок миллионов лет назад нечто побывало в нашей части Вселенной и, обнаружив планету, заселенную одноклеточными, подтолкнуло их на новую эволюционную ступень. В результате этого толчка одноклеточные стали образовывать сложные многоклеточные организмы.

— А зачем? Зачем подтолкнуло?

— Кто знает… Возможно, просто ради эксперимента, возможно — ради какой-то иной цели, которой нам никогда не постичь… Кстати, и на старой Земле, и на Земле-2 многоклеточные орга-

низмы составляют ничтожную долю совокупной биомассы одноклеточных, но как раз это-то и есть самое интересное.

— А куда девалось то загадочное нечто, которое экспериментировало с одноклеточными?

— Никто не знает, ведь это было так давно. Мы, а точнее, летевшие на «Ковчеге» Основатели, а также поколения людей, живших на Земле до них, установили, что человек разумный — сравнительно молодой вид живых существ. Мы продукт биосферы юной планеты, вращающейся вокруг такой же юной звезды в очень, очень старой Галактике, где пик звездообразования давно миновал. Немало цивилизаций возникло и исчезло задолго до того, как на Земле появилась жизнь вообще, не говоря уже о разумной жизни. Как бы там ни было, людям не удалось обнаружить никаких следов широкомасштабной деятельности высокоразвитых цивилизаций из иных миров; во всяком случае, никаких признаков действующего проекта по созданию и поддержанию жизни мы в настоящее время не наблюдаем. Вероятно, он был начат и завершен в далеком прошлом.

— Какая интересная гипотеза!

— Весьма интересная, Макс. К сожалению, далеко не все люди способны ее оценить и при-

нять, а ведь она очень важна для понимания того, что происходит вокруг нас именно сейчас. Дело в том, что после того самого таинственного толчка, пути двух наших планет разошлись. На старой Земле разумные млекопитающие — люди — появились спустя полмиллиарда лет. Здесь, на Земле-2, развитый технологичный разум возник практически мгновенно — всего за несколько миллионов лет. Но и исчез почти так же быстро.

— Вы говорите о Мертвых?

— Да. Именно поэтому развалины на Малой Ямайке и Риф на Поясе такие старые.

— Это Риф, куда отправилась моя мать?

— Да. — Стэндиш сжал худые пальцы в кулак. — Как жаль, что я не могу быть сейчас с нею! И как это Госпоже Ксайе не пришло в голову взять в свою научную экспедицию ученых…

— Если бы мама думала о таких вещах, она бы, наверное, с места не двинулась, — сказал Макс. — Так говорит папа.

— Возможно, он прав. Но все равно я завидую твоей маме. — Стэндиш отряхнул ладони и, прищурившись, посмотрел на солнце. — Пожалуй, нам пора. Сегодня твой отец снова встречается с ректором Чивианом. Быть может, мне наконец удастся рассказать Спикеру о Библиотеке — он

давно хотел, чтобы я сделал ему подробный доклад, но так и не выбрал время для аудиенции.

— Мой отец весьма занят, — напыщенно проговорил Макс. — У него много важных дел.

— Может, и так, но решение о строительстве Библиотеки тоже нельзя откладывать бесконечно. Земляные работы нужно затевать, пока погода благоприятствует, иначе начнется жара, потом придут осенние дожди и холода.

Повернувшись, Стэндиш и Макс зашагали назад, к парламентскому комплексу. При этом учитель слегка опирался на плечо молодого человека.

— Библиотека нужна всем, — снова сказал он. — И дело здесь вовсе не в личных амбициях ректора или в моих расчетах. Надеюсь, ты это понимаешь, Макс?

— У папы много дел, — повторил молодой человек. — Вам придется набраться терпения.

5

Приближался вечер, когда Ксайя и ее отряд достигли Рифа. Оазис лежал посреди километров и километров сухой красноватой пыли и имел форму впадины, окруженной выступающими из песка плоскими древними скалами — свидетелями какого-то давнего геологического катаклизма. Вода из водоносных пластов поступала в центральный водоем, вокруг которого росли земные растения — зеленая трава, зеленый мох, несколько чахлых финиковых пальм. Кое-где среди нагретых солнцем камней краснели небольшие комки пур-пура.

Здесь Ксайя скомандовала привал. Огромных коней распрягли и повели поить. Полсотни воинов, большинство из которых были женщинами, сложили поклажу в тени деревьев и сняли пылевые маски, а Мэнда, вооружившись подзорной трубой, стала карабкаться на одну из скал, чтобы обозреть окрестности.

Сама Ксайя в сопровождении Тейфа отправилась на поиски Чана Гила. Смотритель музея, расположившись на мягкой траве под пальмой,

уже снял тяжелые походные ботинки и, переобувшись в мягкие лагерные сандалии, разворачивал палатку. Увидев Ксайю, он почтительно встал.

— Что угодно Госпоже? — спросил Чан.

Навигатор «Коры» снабдил Ксайю схематической картой этого района Пояса, которую она по мере продвижения на север заполняла достоверной информацией.

— Сейчас мы должны быть здесь, — сказала Ксайя, показывая пальцем точку на карте. — У самого Рифа. Вот координаты, которые ты нам дал — широта и долгота, а вот мои расчеты…

— Говорил я тебе: нужно было выслать вперед разведчиков, — проворчал Тейф.

— Мы уже близко, — упрямо возразил Чан. — Если только все, что мы в Арарате знаем о Рифе, не является одним большим заблуждением.

Сейчас, два месяца спустя после того, как экспедиция покинула город, смотритель выглядел по-другому. Его обожженная солнцем кожа высохла, как пергамент, и покрылась ровным коричневым загаром, нагулянный в городе жирок исчез, щеки ввалились, одежда болталась, словно на вешалке. По мере того как экспедиция приближалась к месту, где якобы находился загадочный Риф, Чан все заметнее нервничал. Вскоре

выяснилось, что сведения, которыми располагал проводник, были весьма приблизительными, поскольку никто из ныне здравствующих жителей Арарата никогда не достигал Рифа и не мог подтвердить, насколько точны координаты, найденные в записях давно умерших путешественников.

— Я думаю, осталось немного, — добавил Чан. — Мы уже должны быть на Рифе.

— Вот и нет, — покачал головой Тейф. — Мы вовсе не должны там быть.

Ксайя бросила на адмирала острый взгляд, но ничего не сказала. Она уже привыкла к ворчанию Тейфа, который не считал нужным скрывать, насколько не по душе ему эта экспедиция. Путешествие и впрямь оказалось куда более продолжительным и тяжелым, чем она рассчитывала. Отряд, который сопровождали два судна, двигался вдоль берега двумя сменяющими друг друга группами, время от времени совершая вылазки в глубь континента. Местность была в основном засушливой, лишь иногда путникам попадались спускающиеся к морю глубокие долины, по которым текли начинающие высыхать реки. Переправы через такие долины, больше похожие на ущелья, каждый раз давались очень

нелегко — во всяком случае времени на это уходило довольно много. В глубине континента однообразие пустыни нарушалось скальными обнажениями причудливой формы. Когда-то давно их вытолкнули из земных глубин бурные геологические процессы, но со временем мягкие горные породы разрушились под действием ветров и температурных перепадов, и теперь древние скалы напоминали своими очертаниями фантастических зверей и птиц.

К счастью, с продовольствием затруднений пока не возникало. Пеший отряд добывал пресную воду, следующие за ним на кораблях экипажи ловили рыбу и ракообразных. Первое время путникам попадались деревни, где можно было купить мясо, овощи и зелень. Правда, стоили они недешево, но Ксайя, не желая создавать отряду трудности на пути, которым, возможно, придется возвращаться, запретила мародерство. Однако по мере продвижения на север такие поселения встречались все реже, а вскоре этот источник пополнения запасов окончательно иссяк. Почти одновременно исчезли и зеленые земные растения; теперь вокруг, насколько хватало глаз, виднелись только красный песок и вездесущий пур-пур, которому, казалось, нипочем были

адская жара и отсутствие воды. Безлюдье тоже действовало на путников угнетающе. Сама Ксайя выросла на сравнительно густо заселенном острове и теперь особенно остро сознавала, как мало на этой планете людей даже после четырех столетий колонизации.

Возникали и другие трудности. Составлявшие отряд жители островов больше привыкли к морю, чем к суше, и совсем не умели охотиться, к тому же они быстро уставали. Сказалось и утомление многолетней войной, поэтому скорость передвижения отряда катастрофически упала. Большие надежды Ксайя возлагала на Тейфа, но вместо того, чтобы поддержать Госпожу, адмирал не переставал ворчать.

— Я уже много раз говорил тебе, Ксайя: наступил август, и солнце снова стало уходить за горизонт. Прохладная половина лета почти закончилась… — сказал он.

— Да знаю я!.. — с досадой огрызнулась Ксайя. — Ты действительно говорил это уже раз сто или тысячу. Надоело!

— Это путешествие способно убить нас, если мы не будем осторожны, — не сдавался адмирал. — А мои слова не нравятся тебе просто потому, что это голос твоей собственной совести. И здравого

смысла.

— Возвращаться будет проще, — возразила она. — У нас река под боком: можно сократить путь, сплавившись по течению на плотах.

Они действительно уже некоторое время шли по берегу широкой реки, которая текла вдоль вытянутого в длину континента с севера на юг и, сворачивая, впадала в море, образуя широкую дельту.

— На плотах через эти пороги? Ну, это без меня!.. — адмирал фыркнул, и Ксайя, теряя терпение, отвернулась.

— Если бы этот доморощенный ученый не перепутал координаты, сейчас бы мы об этом не спорили, — резко сказала она, выплескивая свое раздражение, хотя и понимала, что Чан ни в чем не виноват.

— Он ничего не перепутал, — сказала Мэнда, вернувшаяся со своего наблюдательного пункта. Она слегка запыхалась, сложенная подзорная труба торчала у нее из-под мышки. — Он не перепутал, — повторила Мэнда. — Риф совсем рядом. Взгляни сама.

Следом за Мэндой Ксайя, Тейф и Чан поднялись на гребень одного из холмов. Там генеральша указала на высокую каменную стену, сложенную из

частично разрушенных осадочных пород, которая вздымалась над пустыней совсем недалеко от оазиса. Стену пересекала какая-то темная полоса. У основания стены горело несколько огоньков, которые становились все ярче по мере убывания дневного света.

Выхватив у Мэнды подзорную трубу, Ксайя поднесла ее к глазам.

— Ну-ка, поглядим, что там…

— Я видела несколько хижин и палаток, — сказала Мэнда. — Деревню настолько занесло пылью, что даже при дневном свете рассмотреть ее не очень-то легко.

— Это и есть Риф! — взволнованно проговорил Чан, указывая на темную полосу, хорошо заметную на фоне розовато-желтого песчаника. — Я так думаю… — тут же поправился он. — Там, кажется, какая-то ограда?

Ксайя, вооруженная подзорной трубой, рассмотрела правильной формы прямоугольную панель, подвешенную на торчащем в центре поселка подобии столба. На панель падали последние лучи заходящего солнца, и она отсвечивала оранжевым.

— Теперь понятно, откуда они берут электричество, — заметила Госпожа.

Мэнда кивнула..

— Солнечная батарея?

— Технология Основателей. Откуда она здесь? — Ксайя опустила трубу и еще раз посмотрела на россыпь электрических огней, тонущих в густых сумерках. — Что ж, до утра энергии им хватит.

Никто не возразил — ночи все еще были очень короткими.

— Я распоряжусь, чтобы вокруг лагеря поставили стражу, — сказал Тейф.

Утром Ксайя поднялась рано, чтобы как можно скорее преодолеть последние километры, отделявшие ее от Рифа. С ней отправились Мэнда, Тейф, Чан и десяток воинов. Оставшимся солдатам адмирал приказал быть наготове на случай каких-нибудь осложнений, а на гребень холмов вокруг оазиса посадил наблюдателей.

Когда путешественники приблизились к деревне почти вплотную, навстречу им выехал на рослом, медленно шагавшем коне какой-то мужчина. За его спиной Ксайя разглядела несколько жителей деревни: женщину, которая с вызывающим видом стояла перед хижиной, сложив на груди руки, и с дюжину оборванных детей, выглядывавших из дверных проемов. Вокруг деревни было расчищено в пыли несколько полей,

между постройками свободно бродили свиньи и пара худых коз. Судя по количеству домов и палаток, жителей в деревне насчитывалось не больше сотни.

— Хотел бы я знать, как они зимуют, — вполголоса пробормотал Тейф. — Должно быть, прячутся в погребах. — Он мрачно покосился на Чана. — Почему ты не сказал, что здесь кто-то живет?

— Я и сам не знал, — возразил Чан. — Я ведь уже говорил… На протяжении моей жизни — даже дольше — никто из араратцев не бывал на Рифе.

— Тебе бы радоваться, что жители Арарата настолько ленивы, Тейф, — усмехнулась Ксайя. — Если бы сюда добрались ученые, на нашу долю не осталось бы ни одной тайны, ни одного секрета.

Мужчина тем временем подъехал ближе, и Ксайя увидела, что он одет в некое подобие военной формы. Его черный с серебром мундир когда-то выглядел очень представительно, но сейчас ткань выгорела и обветшала, на локтях виднелись заплаты, да и рукава казались чересчур короткими, словно мундир был с чужого плеча. Конь под всадником, несмотря на солидные габариты, тоже не производил впечатления боевого животного — для этого его движения были слишком медлительными, а мерная, тяжелая

поступь выдавала привычку ходить в упряжке. Тем не менее мужчина не побоялся отправиться в одиночку навстречу отряду вооруженных воинов, и это заставило Ксайю почувствовать к нему нечто вроде уважения.

Подъехав к путешественникам на несколько шагов, мужчина остановил своего тяжеловоза и, сбросив с седла короткую веревочную лестницу, спешился. Потрепав коня по морде (для этого ему пришлось подняться на цыпочки), мужчина оставил его пастись на крохотном пятачке травы, а сам подошел к Ксайе, в которой сразу опознал предводительницу отряда.

— Добро пожаловать, — проговорил он глухим, гортанным голосом. — Мое имя Осси Ленг; я староста этого научного поселка, жители которого посвятили свои жизни изучению Рифа. Мы называем наш поселок Рифтаун.

Ленг говорил на какой-то разновидности араратского диалекта, и хотя некоторые произнесенные им слова звучали грубой пародией на тот амблийский, к которому привыкла Ксайя, она понимала его без особого труда. Выглядел Ленг лет на пятьдесят или около того, хотя обожженная солнцем морщинистая кожа и длинные седые волосы, собранные в пучок на затылке, старили

его. Один глаз у старосты отсутствовал. Вместо него в пустой глазнице Ксайя увидела влажный серый шар, сделанный, похоже, из самой настоящей стали.

Ксайя в свой черед представилась, назвав себя соправительницей Зиландии. Пока она раздумывала, что нужно сказать еще, в разговор неожиданно вмешался Чан.

— Что это еще за научный поселок? — подозрительно спросил он у Ленга. — Я работаю в Арарате смотрителем Святилища Шлюпки и отлично знаю всех ученых и исследователей. Ни о каком научном поселке я никогда не слышал, в архивах тоже нет сведений о том, что такой поселок существует. Зато мне прекрасно известно, что последняя исследовательская экспедиция отправилась на Риф больше сотни лет назад.

— Эту экспедицию возглавлял мой дед, парень. Его звали Хейни Фредерик Ленг. Поройся как следует в своих архивах, когда вернешься — ты обязательно найдешь упоминание об этом славном походе. Этот мундир… — Ленг похлопал себя по груди, — этот мундир тоже принадлежал ему. Думаю, военную форму гвардии Арарата ты должен узнать!

Ксайя бросила быстрый взгляд на Чана, но уче-

ный только пожал плечами.

— Я знаю, что Хейни Фредерик Ленг открыл Риф, вернее — он первым увидел его своими глазами. До него о существовании Рифа говорили только фотографии, сделанные автоматическим зондом Основателей.

— Разве Ленг не вернулся, чтобы рассказать о своем открытии?

— Деду не повезло, — ответил староста. — Обстоятельства были против него, несколько участников экспедиции умерли. Когда дед наконец добрался до Рифа, он обнаружил здесь крошечную деревню — люди жили в палатках возле источника пресной воды. Что они делали так далеко на севере, как сюда попали — неизвестно. Как бы там ни было, дед решил остаться с ними, чтобы обследовать Риф в течение одного-двух благоприятных сезонов.

— Но почему Хейни Ленг не вернулся в Арарат? — повторила Ксайя.

Ленг пожал плечами.

— Здесь он обрел свое счастье. Дед женился, потом появились дети, и он, вероятно, побоялся везти их через пустыню обратно в Арарат. — Ленг бросил взгляд на черную полосу, пересекающую каменную стену. — Кроме того, Риф находится

здесь, а не в городе, а мой дед был настоящий ученым. Всю жизнь он посвятил изучению этого феномена, этой величайшей реликвии древнего народа. А когда дед умер, его дело продолжил старший сын — мой отец. Когда же и он погиб…

— Разве за все эти годы здесь так никто и не побывал? — с сомнением перебила Мэнда. — И ты, в свою очередь, тоже не попытался добраться до Арарата, чтобы рассказать о сделанных открытиях?

— Почему не побывал? — Ленг с вызовом вздернул подбородок. — Сбившиеся с пути исследователи, торговцы с кораблей, потерпевших крушение у побережья, — все они приходили сюда в поисках пресной воды. И, разумеется, бандиты… — Его лицо исказила суровая гримаса, и стальной глаз в пустой глазнице странно сверкнул. — Но всем им пришлось заплатить…

— Заплатить?.. — Тейф качнул головой. — Теперь я не сомневаюсь, что в жилах твоего деда текла кровь одного их хранителей Святилища Шлюпки в Арарате. Они тоже обкладывают приезжих данью, а сами только стригут купоны…

Ксайя тронула адмирала за плечо.

— Не трать свой гнев понапрасну, — пробормотала она. — И он, и его предки просто глупцы,

жадные глупцы. Только взгляни на этот поселок… Быть может, у него где-то действительно зарыт горшок с деньгами, но здесь их абсолютно не на что тратить.

Ленг то ли не заметил оскорбления, то ли намеренно пропустил его мимо ушей.

— Мой дед был первым ученым, достигшим Рифа. Сами Основатели никогда здесь не появлялись — только посылали свои летающие машины. Но даже они не осмелились отправиться дальше на север.

Ксайя нахмурилась.

— Ты уверен? Неужели к северу отсюда никто не живет?

— Никто. Слишком жаркое лето и слишком холодные зимы. — Ленг покачал головой. — У меня есть доказательства. — Он зачем-то повернулся и бросил взгляд на покосившиеся хижины. — Иногда у нас здесь происходят, гм-м… разногласия. Ссоры между братьями, соседями, все такое… Случается, кого-то изгоняют из поселка. — Он обвел рукой пыльный горизонт. — Если люди уходят на восток, на запад или на юг, рано или поздно они дают о себе знать — просят прощения и умоляют разрешить им вернуться. Но тех, кто отправился на север, больше никто никогда не видел. Там

никого нет — на севере нельзя жить.

Ксайя смерила его взглядом.

— Если Основатели, как ты говоришь, не осмелились обследовать север, откуда же тогда взялись истории о Городе Мертвых?

Ленг презрительно рассмеялся.

— Это просто сказки, выдумки, которыми кормят доверчивых простаков в гостиницах и тавернах. Путешественники любят преувеличения. Здесь и только здесь пролегает граница, пересечь которую не может ни один человек. А Риф… — он жестом указал на скалы позади, — единственный след, оставленный Мертвыми в нашем мире, если не считать руин на Малой Ямайке.

Мэнда мрачно взглянула на него и повернулась к Ксайе.

— Этот человек лжет, Госпожа. Он хочет, чтобы мы думали, будто свет клином сошелся на его Рифе.

Ленг внимательно рассматривал обеих и что-то прикидывал.

— Я буду рад приветствовать вас в моем доме, Госпожа, — сказал он после небольшой паузы. — Моя жена умеет готовить отличный кактусовый чай, который…

— Нет, — резко сказала Ксайя, начиная злить-

ся. — Мы пришли сюда, чтобы увидеть Риф. Чем быстрее мы его осмотрим, тем скорее сможем двигаться дальше. — И, повернувшись, зашагала к каменной стене с загадочной черной полосой.

Позабыв про свою лошадь, Ленг бросился за ней.

— Госпожа, как насчет платы?..

— Заплати ему, Тейф, — не оборачиваясь, бросила Ксайя. — Дай ему столько денег, сколько заработали его отец и дед вместе взятые: пусть почувствует себя богачом. Мы можем себе это позволить.

Адмирал недовольно нахмурился, но все же запустил руку в один из поясных кошельков и, достав пригоршню британских украшений, сунул их в протянутые ладони деревенского старосты.

Торопливо рассовав драгоценности по карманам, Ленг провел пришельцев через калитку в проволочной изгороди, преграждавшей путь к Рифу всем, кто не мог или не хотел заплатить положенное.

Собственно, Риф представлял собой выход какой-то темной породы, чуть выступающий из довольно высокой каменной стены. День выдался жарким, и путешественники почувствовали облегчение, вступив в прохладную тень у ее

подножья. Вблизи было хорошо видно, что Риф сильно отличается от оранжево-розового песчаника, залегавшего выше и ниже него. Он имел толщину около полутора метров и состоял из какой-то пестрой черно-серой породы, которая даже на вид казалась более прочной, чем песчаник. Собственно говоря, выступ на стене и образовался потому, что выше и ниже мягкие осадочные породы выветрились. Над слоем Рифа Ксайя увидела вырубленную в песчанике пещеру, к которой вела грубая деревянная лестница. В этом месте край выступа обвалился или был обрушен, несколько крупных и мелких обломков темного цвета валялись у подножия скалы. Сделав шаг в ту сторону, Ксайя внимательно их рассмотрела и наконец подобрала кусок похожей на сланец породы размером с человеческую ладонь. С одной стороны он был гладким, но с другой Ксайя увидела странный отпечаток почти правильного пятиугольника.

Тейф в нескольких шагах от нее разочарованно оглядывался.

— И ради этого мы проделали такой путь? — спросил он. — Это и есть твой Город Мертвых?

Ленг рассмеялся — то ли с вызовом, то ли по глупости.

— А что вы рассчитывали найти через столько-то лет? Здания, улицы, машины? Нет, приятель, время оставляет нам в лучшем случае обломки. Здесь, в этом камне — тысячелетняя история, сжатая, спрессованная, будто между страницами огромной книги. Если бы не случившееся полмиллиарда лет назад наводнение, все это могло превратиться в пыль, в прах, и тогда мы не нашли бы вообще ничего.

— Наводнение?.. — Адмирал скептически оглядел засушливую пустыню. — Здесь?!

— О да! Место, на котором вы стоите, когда-то было дном моря, и не один раз.

Ксайе пришлось сделать усилие, чтобы понять, о чем говорит Ленг. На Земле-2, как и на старой Земле, горные породы подвергались эрозии, превращались в гальку и песок, который потом размывали реки, но это касалось только скал и утесов, находящихся на суше. Под водой, на дне морей и океанов, горные породы, напротив, постоянно формировались. Песок, ил, останки водных животных и растений веками накапливались на дне, сжимались под собственной тяжестью — и в конце концов превращались в песчаник и другие осадочные породы. Их характерной особенностью была выраженная слоистая

структура, причем каждый слой толщиной в несколько сантиметров соответствовал подчас целой геологической эпохе.

— Обычно осадочные горные породы залегают ровными пластами — такими же ровными, как поверхность океана, благодаря которому они появились, — заявил Ленг. — Но в дело могут вмешаться вулканы, карстовые процессы и даже подвижки континентов, хотя на Земле-2 это далеко не главный фактор. Под действием этих сил пласты осадочных пород могут изгибаться, трескаться, перемещаться, подниматься на поверхность, снова уходить под воду… — Он сделал несколько движений руками, словно пытаясь наглядно проиллюстрировать свои слова, и Ксайя невольно подумала, что Ленг всю жизнь ждал, когда ему представится возможность блеснуть своими полученными по наследству знаниями.

— И где-то между очередным подъемом и очередным погружением, — проговорила она, разглядывая странный черный камень, который по-прежнему держала в руке, — произошло нечто необычное.

— Мы считаем, что на этом месте когда-то пролегала речная дельта, — сказал Ленг. — Большая речная дельта. Сама река давно поменяло свое

русло, но на самых старых камнях еще видны следы водных потоков. На этой-то дельте, на ее плодородной почве они и выстроили свой город. Сейчас, конечно, трудно представить, как он мог выглядеть, однако нет никаких сомнений, что это был город каменных зданий и железных орудий, возможно — весьма похожий на людские поселения старой Земли и Земли-2. И появился он по геологическим масштабам буквально в одно мгновение — всего за какую-нибудь тысячу с небольшим лет. Только представьте: миллионы лет пустоты и безлюдья, и вдруг — город! Но и просуществовал он тоже недолго — наводнение снова отправило его в небытие.

— Его затопила река, на которой он стоял? — поинтересовалась Мэнда.

— О нет! — Ленг покачал головой. — Это сделало море. Как и на старой Земле, уровень океана внезапно начал подниматься, и его воды, конечно, в первую очередь хлынули в низину — в речную дельту, где стоял город. Бурные волны захлестнули самые высокие здания, и жителям пришлось спасаться бегством, бросив все свое имущество. В этом отношении им не повезло, зато повезло нам: благодаря внезапности катастрофы город, в считаные дни оказавшийся на морском дне,

более или менее сохранился. Вода предотвратила ветровую эрозию, к тому же река продолжала нести в море тонны ила и песка. Постепенно он заполнил улицы, потом под его тяжестью стали обрушиваться крыши и подвалы. Город оказался погребен под слоем грунта. Миллионы тонн продолжали давить сверху, сжимая осадочные породы, в плену которых очутился город, пока от слоя толщиной в несколько сот метров не осталось… не осталось того, что вы видите сейчас. Тысячелетия, записанные в камне, оказались заключены в тонкой прослойке, толщина которой местами измеряется уже не метрами — сантиметрами. И лишь благодаря случайности эта прослойка снова оказалась над уровнем моря. Несколько землетрясений и несколько веков непрекращающейся работы холода, жары и ветров — и мрачная гробница приоткрылась.

Ксайя с удивлением заметила, что Мэнда, никогда не отличавшаяся богатым воображением, была, похоже, целиком захвачена цветистым повествованием.

— И как же ты понял, что это именно город? — спросила она. — Откуда тебе известно, как он выглядел?

Ленг моргнул своим единственным глазом.

— Идите за мной, и все увидите сами.

Он первым вскарабкался по лестнице к пещерке, вырубленной в песчанике над темным городским слоем. Чтобы попасть внутрь, путникам пришлось опуститься на четвереньки. Оказавшись в пещере, Ксайя сразу заметила следы подтески кайлом на потолке и небольшие ниши-углубления в неровных стенах, в которых, похоже, что-то лежало. Может, это светильники, подумала она. Но если это и были какие-то лампы, сейчас они не горели.

Ленг позволил путешественникам осмотреться, выжидая, пока их зрение приспособится к царящему в пещере полумраку.

— В окрестностях Рифтауна есть места, где находятся другие, э-э… культурные ландшафты, — сказал он и пояснил: — Так называл их мой дед. Мы нашли там следы ферм или чего-то подобного. Во всяком случае в одном месте совершенно отчетливо отпечатались оставленные плугом борозды, только они почему-то проведены перпендикулярно друг другу. Ну а здесь, конечно, находился центр древнего города… — Ленг небрежным жестом указал на пол пещеры.

Ксайя опустила взгляд. Порода под ногами была раздроблена, из груд щебня выступал правиль-

ный красновато-коричневый прямоугольник. Несомненно, это были развалины какого-то здания: они буквально вросли в камень, однако сомневаться в их искусственном происхождении не приходилось. Рядом негромко выругался Тейф. Поглядев в его сторону, Ксайя увидела, что адмирал обнаружил в куче каменного мусора круглый воронкообразный обломок: то ли раструб древней флейты, то ли отбитое горлышко амфоры, а может, деталь какого-то неизвестного механизма. Выглядел обломок как каменный, но его ржаво-коричневый цвет заставлял предположить, что его сделали из металла.

— Видите? — Ленг ухмыльнулся. — Когда-то здесь возвышалось важное правительственное здание. Мой дед обнаружил его при раскопках древних фундаментов. На мягкой наносной почве в дельте реки только так и можно было строить дома: сначала вырыть глубокий котлован, добираясь до прочного скального основания, а уже на нем сооружать фундамент. Когда под напором воды здание рухнуло, обломки стен рассыпались во все стороны, только фундамент и остался. Строители выложили его из прочных бетонных блоков, но сейчас они буквально крошатся в руках. Бетон со временем ветшает — содержащиеся в воде

кислоты вымывают из него цемент, арматура ржавеет, остаются только песок и гравий, но если действовать осторожно, в толще фундамента можно обнаружить следы водопровода и даже места, где когда-то проходили электрические кабели. Рядом с фундаментом я видел обломки каменной мостовой, а на ней — большие пятна ржавчины. Я думаю, это все, что осталось от раздавленных механических экипажей. Ну, и так далее…

Ленг перевел дыхание и быстро облизнул губы.

— Но главное сокровище вот здесь, — добавил он после паузы и, достав из ниши за своей спиной какие-то предметы, стал по одному передавать путешественникам. При виде их у Ксайи буквально захватило дух. Матовый стеклянный кругляш когда-то был, вероятно, донышком бутылки. Тонкий прямоугольник казался сделанным из пластмассы — он все еще был гибким и теплым на ощупь, хотя и обесцветился, словно выгорел. Передавая ей этот артефакт, Ленг заметил, что за миллионы лет большинство пластиков превратилось в нефтяные пятна, которые были смыты водой или впитались в пористую породу. Но самым примечательным в этой коллекции древностей оказался предмет из блестящего желтого

металла, похожий на расплющенные ударом молота механические часы.

— Это… золото? — спросила Ксайя, не в силах выпустить из рук загадочный предмет.

— Нет. Это вообще не металл, а минерал — железный колчедан. Когда-то этот предмет действительно был сделан из железа, но время и внешние условия превратили его обратно в руду. Кто знает, что это было — часы, астрономический прибор или что-то такое, о чем мы понятия не имеем… Что бы это ни было, за миллионы лет железный механизм превратился в каменную копию самого себя. — Ленг слегка откашлялся и поглядел в сторону входа в пещеру, где под жаркими лучами солнца сверкала раскаленная красно-коричневая пыль. — Я так уверенно говорю о миллионах, потому что возраст этой культуры — полмиллиарда лет с небольшим. Мой отец определил это при помощи стратиграфического анализа. Высокоразвитый разум появился на Рифе внезапно, и гораздо быстрее, чем на старой Земле. Не успели первые земноводные выбраться на сушу, и вдруг — р-раз! — города, машины, культура! А еще через несколько тысячелетий — раз! — и на месте города вновь плещется безжизненный океан. — Ленг снова ненадолго остановился, потом продолжал

чуточку спокойнее: — Сейчас уже трудно сказать, что находилось здесь раньше. Возможно, вся эта пустыня была застроена городами, дорогами, фермами… Риф сохранился до наших времен лишь благодаря стечению обстоятельств. Однако если судить по тому, что мы уже нашли, цивилизация древних людей — Мертвых, как их теперь принято называть, — владела всей планетой, а не только северной частью этого континента. Мой дед говорил, что если сравнить слои, залегающие выше и ниже города, можно увидеть существенную разницу. Изменения претерпели и биологические структуры, и даже состав атмосферы. Каким бы кратким по геологическим масштабам ни было существование этой древней цивилизации, она успела многое изменить, дать толчок новым процессам. К сожалению, их время закончилось слишком быстро. Прямо поверх городского слоя мой отец обнаружил прослойку вулканического пепла. Возможно, именно многочисленные извержения и последовавшие за ними климатические изменения и подкосили эту цивилизацию.

— Ты говоришь, цивилизация Мертвых просуществовала всего одно-два тысячелетия, — задумчиво проговорил Чан. — Наверное, она

действительно была технологически очень развитой, если за это время Мертвые сумели навсегда изменить облик планеты, ее дальнейшую судьбу. В результате их деятельности на Земле-2 не осталось ни запасов ископаемого топлива, ни месторождений металлических руд и других невозобновляемых ресурсов. В этом смысле у Земли-2, точнее — у человеческой цивилизации на этой планете, нет никаких перспектив. Я правильно понял?

Ленг хотел что-то ответить, но ему помешала Ксайя.

— Значит, никаких следов этой цивилизации не сохранилось? — спросила она. — Я имею в виду Мертвых… ну, или тех, кто построил Риф.

— Никаких, — подтвердил Ленг и, собрав артефакты, благоговейно уложил их на прежнее место в одной из стенных ниш. — Ну как, Госпожа, вы довольны?.. Не жалеете, что пришлось заплатить за вход?

Ксайя посмотрела на своих спутников.

— На сегодня достаточно, — решила она. — Давайте выбираться отсюда.

Когда они спустились вниз и вышли за проволочную ограду, Ксайя остановилась, чтобы посоветоваться со своими помощниками.

— Нам необходимо решить, как быть с тем, что мы только что узнали и куда мы отсюда направимся, — начала она.

— Относительно последнего, ответ должен быть очевиден, — фыркнул Тейф. — Домой, конечно!..

— Риф является ценнейшей научной реликвией, — сказал Чан. — Нельзя допустить, чтобы он превратился в груду щебня… в том числе и усилиями здешнего старосты. Ленг ведет себя так, словно Риф находится в его безраздельной собственности, а между тем у меня сложилось впечатление, что его дед был единственным, кто пытался вести здесь настоящую научную работу. Необходимо вернуть это место под управление Арарата… Если потребуется — вашим именем, Госпожа. — Он чуть заметно запнулся на последних словах.

— Я согласна, — кивнула Ксайя. — Нужно как можно скорее раскопать это гнездышко Мертвых.

— Раскопать? Гнездышко?! — пронзительно выкрикнул Ленг, и все вздрогнули. Никто не заметил, как он подошел к группе. Деревенский староста был вне себя от ярости — его лицо покраснело, на лбу надулись жилы, и Мэнда

невольно потянулась к оружию. Воины, стоявшие неподалеку, тоже обнажили мечи, и Ленг попятился, торопливо нащупывая что-то под пыльным мундиром.

— Я знал, что рано или поздно это случится! — выкрикнул он с какой-то странной смесью злобы и отчаяния. — Я давно предвидел, что однажды в Рифтаун явится какой-нибудь пуп земли и попытается отнять то, что принадлежит мне по праву. Вас, Госпожа Ксайя, даже не интересуют мои открытия, хотя я изучал Риф всю свою жизнь! Вы… Ксайя вздохнула.

— Похоже, жизнь в этих пустынных местах не слишком здоровая, — сказала она. — Этот парень явно повредился в уме. А может, это у него наследственное… Он вооружен, Мэнда?

— Нет, насколько я могу судить.

— В таком случае свяжи его.

Но прежде чем Мэнда успела сделать хотя бы шаг в его сторону, Ленг взвизгнул и, отпрыгнув назад, выхватил из-под мундира какую-то белую коробочку.

— Не подходите! У меня машина Основателей. Мой дед нашел ее на месте посадки Шлюпки вместе с солнечной батареей и принес сюда.

Мэнда в растерянности замерла на полушаге.

— Что это такое? — спросила Ксайя. — Что у тебя в коробочке, Ленг?

— Я знал, что этот день придет!.. — Слезы ручьем покатились из пустой глазницы старосты. — Знал и готовился. Еще в молодости я пробил отверстия в потолке пещеры и вложил в них заряды. Уходите! Убирайтесь отсюда, иначе я взорву Риф!

— Останови его, — тихо приказала Ксайя, и Мэнда стремительно бросилась вперед, но помешать Ленгу не успела. Прежде чем она швырнула старосту на землю, он нажал на белой коробочке какую-то кнопку.

Утес за их спинами содрогнулся.

Ксайя обернулась.

Из пещеры вырвался клуб черного дыма. Потом в воздух взлетели облака пыли и обломки камней. Часть стены чуть ниже входа в пещеру медленно сползла вниз. Когда пыль немного рассеялась, стало видно, что заряды Ленга сработали — пещеры больше не существовало.

— Какое варварство! — прорычал Тейф. — Уничтожить ценнейший памятник просто из самолюбия!

Чан неожиданно рассмеялся, и адмирал повернулся к нему.

— Ты спятил?

— Ничего подобного, — парировал тот. — Просто этот человек только что доказал нам, что он действительно глуп и нисколько не похож на собственного деда. Да, он уничтожил место раскопок, но я готов поспорить, что город — точнее, слой осадочных пород, в котором он законсервирован, — тянется еще на многие километры. Действительно, город пока скрыт в камне под песком пустыни, но раскопать его не так уж трудно. Нужно только вызвать сюда рабочих с соответствующим оборудованием, и мы отыщем здесь еще не такие сокровища! У Тейфа сделалось такое лицо, словно он силился что-то понять.

— Ладно, — протянул он наконец. — Придется поверить тебе на слово, смотритель музея. — Адмирал повернулся к Ксайе: — А что скажешь ты, Госпожа? Ты нашла свое сокровище: черные камни, древнее стекло и следы ржавчины. Хватит этого, чтобы утолить твое тщеславие? Может, пора вернуться домой?

Ксайя не ответила. Мэнда, сидя на Ленге верхом, прижимала его руки к земле, но староста не сдавался. Извернувшись, он злобно плюнул в сторону Госпожи.

— Да, убирайся, откуда пришла, и забирай с

собой своих дрессированных сук! Возвращайся домой, самовлюбленная дура! Пусть у тебя на родине тоже узнают, как ты потерпела поражение из-за собственной глупости и тщеславия!

Он захрипел, собираясь плюнуть еще раз, и Мэнда, схватив его левой рукой за челюсть, запустила пальцы правой в пустую глазницу. Раздался сдавленный вопль, брызнула кровь. Ленг отчаянно забарахтался, но Мэнда уже подняла руку, сжимая в кулаке окровавленный стальной шар.

Чан содрогнулся.

— Что вы делаете?!

— Просто хочу доказать, что он не только дурак, но и лжец, — хладнокровно ответила Мэнда.

Ксайя шагнула вперед и, не обращая внимания на кровь, продолжавшую капать с искусственного глаза, взяла его в руки. Из ее груди вырвался крик удивления.

— Это же Сфера! — воскликнула она. — Тейф, посмотри!.. Она тоже сделана из стали Основателей, и на ней изображены все острова и континенты. Вот Пояс, а вот Архипелаг… Совсем как на остальных четырнадцати.

Мэнда осклабилась.

— Мне давно казалось, что на шарике, который этот прохвост запихнул себе в глазницу, выгра-

вирован один из островов Зиландии, — сказала она.

— Я всегда спрашивала себя, почему Сфер только четырнадцать, если по всем сведениям Основателей было пятнадцать человек, — задумчиво произнесла Ксайя и посмотрела на своих спутников. — Думаю, вы понимаете, что это значит?

— Это значит, что теперь ты тоже хранительница Сферы, — почтительно ответил Тейф. — И, как и твой муж, обладаешь высшей властью.

— А еще это доказывает, что Ленг лгал, — добавила Мэнда, не выпуская всхлипывающего в бессильной ярости врага. — Никто будучи в здравом уме и трезвой памяти не посмел бы вынести подобную ценность из Арарата. Всем известно, что потребовались усилия нескольких поколений, прежде чем самые уважаемые роды Зиландии сумели собрать все Сферы в Ожерелье Четырнадцати. И тот факт, что пятнадцатая Сфера оказалась здесь, может означать только одно: кто-то из Основателей побывал на Рифе. И если он шел на север…

Ксайя кивнула.

— Если он забрался так далеко, то, конечно же, двинулся дальше.

Тейф, с беспокойством выпрямившись, заглянул ей в глаза.

— Даже не думай, — предупредил он негромко. — Если мы пойдем дальше, нас наверняка захватят зимние холода, и тогда…

Ксайя посмотрела на него в упор, потом рассмеялась и крепче сжала в кулаке стальной шар.

— Верните этого глупца его семье, — распорядилась она, кивнув в сторону Ленга. — И пусть солдаты сворачивают лагерь. Мы возвращаемся на побережье, а утром… — Она немного помолчала и твердо закончила: — Мы пойдем дальше.

— Дальше?! — по-собачьи взвыла Мэнда.

— Да, — подтвердила Ксайя, не глядя на нее. — На север!

6

— Земля-2 нестабильна…

Фом Робелл торопливо шагал по улицам Орклунда в сопровождении свиты помощников и секретарей. Ректор Чивиан едва поспевал за его быстрым шагом. Наступил сентябрь, на носу был день осеннего равноденствия, поэтому погода оставалась достаточно комфортной, хотя небо все чаще заволакивали тучи, из которых время от времени брызгал дождь. Он, впрочем, не оставлял даже луж — только смачивал городские мостовые, которые матово поблескивали в рассеянном свете ненастного дня.

В это время года оба полюса планеты были отвернуты от солнца, и пятнадцатичасовой световой день почти сравнялся с ночью. Считалось, что именно в первый осенний полусезон погода на Земле-2 больше всего напоминает земную, однако это никого не обманывало. Не за горами были первые холода; еще месяц, и задуют ледяные ветры, придут метели. Через два месяца солнце на долгие восемьдесят дней спрячется за горизонт, и на острова придет лютая зима.

Сейчас в городе кипела лихорадочная деятельность: горожане готовились к зимовке, заготавливали провизию и дрова, ремонтировали стены и окна домов, проветривали погреба — такие глубокие, что почва там сохраняла летнее тепло даже в разгар холодов. Зима всегда была серьезным испытанием для жителей Зиландии. Готовиться к ней спустя рукава значило обречь себя на верную гибель, поэтому ни о какой Библиотеке сейчас не могло идти и речи. Все были слишком заняты, и ни у кого не нашлось бы ни лишнего времени, ни сил.

А от Ксайи по-прежнему не приходило никаких вестей.

Фом попытался сосредоточиться на словах собеседника.

— Вы сказали: «Земля-2 нестабильна». Что это значит?

Ректор ускорил шаг и, нагнав Спикера, зашагал рядом с ним. Фом чувствовал, что сегодня его собеседник настроен как никогда решительно. Похоже, про себя он решил убедить Спикера в необходимости строительства Библиотеки не позднее дня осеннего равноденствия. Что ж, подумал Фом, для начала строительства это действительно крайний срок, потом будет уже

поздно.

— Таков общий вывод, который сделал в своей последней работе Ян Стэндиш, сэр. Правда, для доказательства своих умозаключений он использовал новейшие математические методы собственной разработки, поэтому я даже не стану притворяться, будто что-то в них понимаю. Скажу лишь, что, по общему мнению, Ян Стэндиш — наш самый талантливый ученый со времен Основателей. Конечно, он тоже может ошибаться, и все же его утверждения заслуживают самого пристального внимания. Особенно если речь идет о безопасности всей планеты — ведь Стэндиш анализировал параметры вращения Земли-2.

— Что же тут анализировать? Каждому школьнику известно: Земля-2 вращается вокруг своей оси, словно юла. Одновременно она движется по круговой орбите вокруг центрального светила. Ось вращения нашей планеты настолько сильно наклонена относительно плоскости эклиптики, что она вращается буквально «лежа на боку» — из-за этого-то и происходит вся свистопляска со сменой времен года. Во время летнего и зимнего солнцестояния один из полюсов направлен прямо на солнце, поэтому одно полушарие погружено во мрак полярной ночи, зато на другом

царит бесконечный день. Или это не так?.. — Фом усмехнулся уголками губ.

— Не совсем так, сэр. Орбита нашей планеты имеет слегка вытянутую форму. Говоря научным языком, это не круг, а эллипс, причем солнце слегка смещено относительно его геометрического центра. Кроме того, как ни мал угол наклона оси вращения Земли-2 относительно плоскости этого эллипса, его все же хватает, чтобы…

— Избавьте меня от подробностей. Ответьте лучше на вопрос: почему Земля-2 нестабильна? И в чем эта ее нестабильность проявляется?

— Если бы в нашей Солнечной системе Земля-2 была единственной планетой, она была бы стабильна, но это, к сожалению, не так. Вам, безусловно, известно, что кроме нее по внешним орбитам вращаются еще два газовых гиганта — Шеба и Халива… — Ректор непроизвольно бросил взгляд на затянутое тучами небо. — Они расположены далеко от нас, но обладают значительной массой, и их гравитационные поля оказывают влияние на характер вращения нашей Земли-2. Вы когда-нибудь запускали волчок, сэр, или, быть может, видели, как это делает ваш сын? Если прикоснуться к вращающейся игрушке пальцем…

— Она начинает шататься.

— Именно. Стэндиш считает, что нечто подобное может произойти с Землей-2 — и довольно скоро. Он установил это на основе сравнительного анализа многолетних астрономических наблюдений, начатых еще при Основателях. Когда это может случиться?.. Почти наверняка не в этом году, и, возможно, даже не в нынешнем десятилетии, но в течение текущего столетия это произойдет с вероятностью, близкой к единице. Не исключено также, что эти явления носят регулярный характер. По мнению Стэндиша, резкие колебания угла наклона оси вращения планеты происходят через вполне определенный промежуток времени, но рассчитать их периодичность…

Начиная злиться, Фом невольно ускорил шаг, и ректору пришлось пуститься почти бегом.

— Колебания угла наклона оси?.. Это все-таки планета, а не волчок! — бросил Фом на ходу. — Как она может колебаться?!

Ректор, отдуваясь, снова нагнал его и пошел рядом.

— Угол наклона оси увеличится. Вот так примерно… — Он вытянул перед собой согнутую в локте руку, потом поднял предплечье почти вертикально. — Это означает, что даже летом ни

один из полюсов планеты не будет ориентирован прямо на солнце. Насколько возрастет угол наклона, мы не знаем, но нет никаких сомнений в том, что порядок смены времен года полностью изменится.

Фом задумался.

— Значит, не будет больше полярных ночей и бесконечных дней, и времена года перестанут делиться на умеренную и экстремальную фазы. Я правильно понял? Но, быть может, тогда наш климат станет таким же, как на старой Земле?

— В конце концов, возможно, так оно и случится. Однако этому будет предшествовать длительный переходный период, который займет не одно столетие. Как раз он-то нас и беспокоит. К примеру, старая Земля тоже пережила эпоху великого оледенения. Когда температура понизилась, на полюсах планеты образовались ледяные шапки толщиной в несколько километров, в результате чего резко понизился уровень мирового океана. Здесь такое вряд ли может произойти…

— Потому что лед, который образуется во время полярной зимы, тает в течение жаркой половины лета?

— Это верно, однако процесс перераспределения ледников, водных запасов и водяного пара

в масштабе всей планеты будет сопровождаться катастрофическими погодными явлениями — ураганами, приливами, наводнениями или, наоборот, продолжительной засухой. Но и это еще не все. При изменении наклона оси вращения неизбежно возрастет напряжение в коре планеты, поэтому можно смело прогнозировать землетрясения, извержения вулканов, а также подводные землетрясения, которые вызовут мощные цунами. Следует учитывать также, что кора Земли-2 имеет значительную толщину, следовательно, каждый вулкан, который сумеет прорваться на поверхность, выбросит в атмосферу огромное количество пыли и пепла. Их непроницаемые для солнечного света облака на многие годы закроют небо, пройдут кислотные дожди…

Фом попытался представить огромную волну, которая. несется через острова архипелага, смывая все на своем пути, и наконец остановился.

— Боже мой!.. — вырвалось у него. — Это будет ужасно! Но… я никогда не слышал, чтобы подобное случалось на старой Земле.

— Планета, откуда мы все произошли, во многих отношениях отличается от Земли-2, - ответил ректор. — Но самое главное ее отличие заклю-

чается в том, что у старой Земли был крупный естественный спутник — Луна. Ее масса во многих случаях стабилизировала вращение Земли, но у нас такого спутника нет.

Фом нахмурился.

— Почему я узнаю об опасности, грозящей всей планете, только сейчас? — сердито спросил он. — Неужели вы не могли сообщить мне об этом раньше?

— Ученые несут ответственность за свои открытия, Спикер. Мы не хотели вызвать преждевременную панику. Кроме того, в течение нескольких последних месяцев я пытался поговорить с вами, но… — Чивиан развел руками.

— Основатели должны были знать о подобной опасности. И уж конечно, они разбирались в небесной механике куда лучше этого вашего доморощенного гения — Стэндиша…

— Скорее всего, так оно и было. Некоторые намеки, содержащиеся в древних хрониках, позволяют предположить, что когда «Ковчег» приблизился к Земле-2, мнения его экипажа разделились. Большинство было уверено, что из-за слишком маленького угла наклона оси жить на этой планете будет невозможно. Существует мнение, что наши Основатели приняли решение

совершить посадку на Земле-2 на собственный страх и риск. Они сами предпочли остаться здесь, вместо того чтобы лететь на «Ковчеге» дальше.

— Куда — дальше?.. Впрочем, не важно.

— Возможно, они считали, что у них будет достаточно времени, чтобы подготовиться к грядущей катастрофе. А может, им казалось, что их потомки найдут способ стабилизировать ось вращения планеты. Но Основатели ошиблись. Прошло четыре столетия, а мы не в состоянии ничего предпринять. И у нас нет «Ковчега», чтобы спастись от катастрофы.

— Что же с нами будет? Означают ли грядущие катаклизмы конец Земли-2?

— Вовсе не обязательно. — Ректор слегка улыбнулся. — Люди — чрезвычайно живучие существа. Они выживут, но вот цивилизации действительно придет конец. Мы можем опуститься до первобытного состояния, и вернуться даже к нашему нынешнему уровню будет невероятно сложно. Как вы знаете, на Земле-2 не осталось ни металлических руд, ни нефти — их запасы истратили те, кто жил здесь до нас.

— Мертвые.

— Да, Мертвые. Из-за них нашим потомкам будет очень сложно восстановить утраченный

потенциал. Но даже если они справятся с трудностями, если на Земле-2 вновь появятся города, корабли, ученые и Спикеры, как они узнают, кто они такие и откуда пришли? Наука будущего, пожалуй, сумеет установить, что родина человечества находится не на этой планете, но где? Из какой точки небосвода пришли Основатели? Узнать об этом людям грядущего будет неоткуда; не исключено, что они вообще не будут иметь никакого понятия об Основателях. Те сведения, которыми мы располагаем сейчас, в лучшем случае превратятся в сказку, в легенду, а в худшем — забудутся.

Фома наконец-то осенило.

— И тут им на помощь придет ваша Библиотека! — воскликнул он.

— Совершенно правильно. Если мы сумеем сохранить документы Основателей для потомков, они никогда не зададутся вопросом: откуда люди пришли на Землю-2 и почему? Они будут знать. Ну, сэр, теперь вы понимаете, что заставляет меня быть столь настойчивым?

Фом тяжело вздохнул.

— И все равно проект Библиотеки кажется мне слишком большим и ресурсозатратным. И в первую очередь я имею в виду ресурсы челове-

ческие. Мы до сих пор вынуждены трудиться изо всех сил только для того, чтобы выжить. Откуда нам взять дополнительную рабочую силу для столь масштабного строительства? Посмотрите вокруг: зима близко, людям нужно подготовиться к ней как можно лучше, к тому же… — Он осекся на полуслове и некоторое время стоял молча, плотно закрыв глаза. Ксайя, Ксайя, где ты?! Почему тебя нет рядом, когда ты так мне нужна?.. Фом никогда не заблуждался насчет жены: он знал, что ни Ксайю, ни его самого нельзя назвать гениальными мыслителями, однако вместе им почему-то каждый раз удавалось принять правильное решение.

— Вы уверены, ректор, что изменение наклона оси планеты обязательно случится? — спросил он, открывая глаза. — И что его последствия будут именно такими, как вы только что говорили?

— К сожалению, уверен. И я могу это доказать. Нечто подобное уже происходило в прошлом, и не один раз. Чтобы убедиться в этом, достаточно присмотреться к строению осадочных пород — в их слоях видны и следы прошлых великих наводнений, и вулканический пепел, и многое другое. Насколько мне известно, ваша уважаемая супруга планировала совершить экспедицию

как раз к такому любопытному геологическому образованию, известному под названием Риф. Согласно сведениям Основателей, Риф представляет собой остатки древнего города Мертвых, который погиб во время одной из таких катастроф. Не сомневаюсь, что там Госпожа Ксайя обнаружит следы, о которых я только что говорил. — Ректор тоже вздохнул. — Один культурный слой, в котором заключены несколько тысячелетий истории древней цивилизации, а поверх него — ничего. Только вулканический пепел, только спрессованные чудовищным давлением песок и ил да, быть может, окаменевшие остатки пур-пура. Тот город так и не вернулся из небытия, Мертвые остались мертвыми. И наша обязанность сделать так, чтобы города, подобные нашему Орклунду, не постигла та же судьба! — Ректор Чивиан порывисто схватил Фома за руку. — У нас еще есть время, Спикер, мы можем хотя бы начать строительство! Я знаю, вы переживаете за вашу жену, но в этом году она уже не вернется — если вернется вообще, так что судьба человечества зависит только от вас. Примите правильное решение, Спикер, позвольте мне построить Библиотеку, и цивилизация будет спасена!

7

Эйкин — так он назвался. Его лицо покрывал толстый слой жира, защищавшего кожу от холодного ветра, а волосы напоминали перепутанный клубок тонких веревок. Бесформенная парка из меха кроликов скрывала его фигуру, поэтому определить возраст Эйкина было довольно сложно. Средних лет, решила Ксайя про себя.

Жил Эйкин в землянке под холмом, уже покрытым толстым слоем снега. Вход в нее напоминал звериную нору, в которую можно было пробраться только на четвереньках. Двери не было — вместо нее круглый туннель закрывался сплетенным из прутьев и травы круглым щитом, который вряд ли был способен противостоять серьезным холодам, поэтому Ксайя решила, что само жилище находится где-то глубоко под землей.

Ксайя, Тейф, Мэнда и Чан смертельно устали и промерзли до костей. Скованная морозом земля давно укрылась снегом и льдом. Выжить в этой холодной пустыне, да еще под ледяным ветром, они не могли, но спускаться в землянку не то-

ропились — вход в нее слишком уж напоминал жадный рот, широко распахнутый в ожидании добычи. Да и хозяин подземного жилища не внушал доверия.

Эйкин снова улыбнулся, обнажив редкие гнилые зубы.

— Добро пожаловать, — повторил он, сопроводив свои слова широким приглашающим жестом. Его акцент напоминал араратский, но был еще более утрированным, искаженным, да и сама речь Эйкина производила впечатление чего-то первобытного, примитивного. — Зимой здесь безлюдно, никто не путешествует, не охотится. Зато у нас есть еда.

Тейф, кутаясь в обледенелый плащ, оскалился.

— Еда? Какая еда?

— Кролики. Вяленые, копченые, мороженые, свежие тоже есть. Другой еды тоже много. Заходите — увидите сами.

— И ты готов поделиться с нами своими запасами? — с подозрением осведомилась Мэнда. — С незнакомыми людьми, которые появились неизвестно откуда?

— Здесь мало людей, — повторил Эйкин. — Одному не выжить — нужно помогать друг другу. Тогда, возможно, когда-нибудь кто-то поделится

с тобой.

— Мне он не нравится, — вполголоса пробормотала Мэнда. Она была не такой массивной, как адмирал, поэтому страдала от холода гораздо сильнее, чем Тейф. — Нормальные люди не живут в норах под землей, словно животные.

— Даже нормальным людям приходится приспосабливаться, чтобы выжить, — стуча зубами, отозвался Чан. — Все зависит от условий. Предзимье и зима — даже вместе взятые — не столь продолжительны, чтобы выстудить землю на большую глубину.

— И все равно Эйкин мне не нравится, — повторила Мэнда. — Этот его хитрый вид… По-моему, нам все-таки не стоит лезть в дыру — она вполне может оказаться ловушкой.

— А мне не нравится твой вид, — возразил Тейф. — Еще немного, и ты сама превратишься в мороженого кролика. Кроме того, у нас нет выбора.

— Можно построить хижину из снега, — не сдавалась Мэнда. — Не стоит самим совать голову в силок.

— Солнце скоро сядет, — сказал Чан и вздохнул. — А в темноте нам не управиться.

Ксайя посмотрела на небо, затянутое плотными

облаками. Дневной свет мерк, снег еще не выпал, но резкий холодный ветер нес с собой тонкие ледяные кристаллы, которые впивались в незащищенную кожу щек и лба.

Чан был прав — они поздно спохватились. Октябрь кончался, и дни становились все короче. Вдоль берега образовались полосы пакового льда, и корабли, сопровождавшие экспедицию, вынуждены были держаться мористее. Уже несколько солдат и матросов вышли из строя из-за простуды или обморожений. Стараясь подбодрить спутников, а также чтобы показать, что она по-прежнему возглавляет экспедицию, Ксайя в сопровождении лишь горстки ближайших помощников и офицеров несколько раз предпринимала разведывательные вылазки в глубь замерзающего континента, надеясь напасть на след настоящего Города Мертвых. Сегодня как раз была одна из таких попыток, но время оказалось выбрано неудачно. Налетевшая пурга спутала им все карты, они едва не сбились с пути, а наступивший вечер застал их довольно далеко от побережья. Предстояла долгая, морозная ночь, пережить которую без потерь будет нелегко.

А потом откуда ни возьмись появился этот подозрительный тип — Эйкин, который предлагал

им еду и убежище.

— Мы вооружены, — пробормотала Ксайя. — И мы не глупцы. Нужно только держаться настороже, и все будет в порядке. Придется воспользоваться гостеприимством Эйкина, иначе никто из нас не доживет до утра.

— Все равно мне это не нравится, — в третий раз повторила Мэнда.

— Выбора нет, — возразил Чан.

— Дискуссия окончена. — Ксайя чуть повысила голос и первой шагнула к черной дыре. Улыбка Эйкина сразу стала шире, он протянул руку, и Ксайя заставила себя пожать ее. Потом она низко наклонилась и вслед за хозяином полезла в дыру.

Сразу за дверью начинался туннель, который довольно круто уходил вниз. Невысокий, полный Эйкин (возможно, так его организм адаптировался к холоду) шагал по нему, почти не пригибаясь. Стены туннеля успели промерзнуть и были скользкими на ощупь; они чуть поблескивали в тусклом, дрожащем свете светильников, установленных в земляных нишах по бокам. Светильники чадили, трещали и распространяли вокруг себя удушливое зловоние — похоже, топливом для них служил животный жир.

Чем дальше шли Ксайя и ее спутники, тем теснее смыкались стены туннеля и труднее становилось дышать. Она понятия не имела, как глубоко они уже спустились, и следила лишь за тем, чтобы не оступиться и не упасть. Но вот сутулая спина их провожатого исчезла из вида, и перед путешественниками открылась небольшая пещера с земляным полом — утрамбованным, но не замерзшим. Ксайя первой вступила в пещеру и выпрямилась с невольным вздохом облегчения. Позади нее что-то пробормотал Тейф и закряхтел, разминая затекшую поясницу.

В свете все тех же жировых светильников путники увидели тесное, сводчатое помещение глубиной в полтора десятка шагов. Потолок пещеры был забран каким-то подобием соломенной крыши. В центре в примитивном каменном очаге горел небольшой костер. Повсюду валялись обрывки звериных шкур, глиняная посуда и обглоданные кости. У дальней стены, с опаской поглядывая на пришельцев, скрючилось несколько мужчин, женщин и детей, до самых глаз закутанных в меха. Рассмотреть их подробнее мешал неверный, трепещущий свет и плавающий в воздухе дым.

— Добро пожаловать, — повторили Эйкин и с

гордостью выпрямился. — Это мой дом.

Тейф принюхался, раздувая широкие ноздри.

— Ну и вонища, — заметил он.

— Ты и сам отнюдь не благоухаешь, — возразила Ксайя.

Мэнда расстегнула плотную накидку.

— А здесь не холодно… — с удивлением проговорила она.

— Я же вам говорил, — подал голос Чан. — Морозы никогда не проникают под землю на большую глубину. Как, впрочем, и жара. Видите, все стены оплетены древесными корнями. Земные деревья сумели приспособиться к нашему климату, отращивая такие длинные корни, что они даже зимой продолжают высасывать из почвы питательные вещества. — Чан огляделся. — И люди, я вижу, уже давно научились зимовать подобным образом. Эта солома на потолке рассеивает и поглощает дым, да и очаг устроен так, чтобы угли едва тлели. Между тем в пещере вовсе не душно — я уверен, здесь где-то есть вентиляционные отверстия, иначе люди могли бы угореть. Смотрите, огоньки светильников мигают, словно на сквозняке.

Внимание Ксайи тем временем привлекла куча костей, сложенных в углу с таким тщанием,

словно невесть какие драгоценности. Кости были довольно крупными — коровьими или, может быть, лошадиными.

Эйкин жестом указал гостям на охапки соломы у очага.

— Летняя трава. Хорошие постели. Здесь мы едим, пьем и спим. — Он сделал какой-то знак двум старшим детям, которые тотчас подошли к путешественникам, держа в руках глиняные миски с вареным мясом. Лишь вблизи Ксайя рассмотрела, что это девочки. Одна из них — с живым, смышленым взглядом и волосами, заплетенными в косички, — казалась почти хорошенькой, несмотря на слой жира и грязи, покрывавший ее лицо. Ксайя улыбнулась ей, и девочка ответила несмелой улыбкой.

Взяв из миски кусок мяса, Ксайя откусила.

— Крольчатина, — констатировала она. — И свежая. Я имею в виду, не соленая и не вяленая.

— Так, — подтвердил Эйкин и мечтательно закатил глаза. — Вку-усно!

— Откуда вы берете свежую крольчатину в это время года? — проворчал Тейф.

— В зимние холода кролики впадают в спячку. Мы знаем, где их норы. — Он показал куда-то в угол пещеры. — Роем ходы — не нужно даже под-

ниматься на поверхность. Еще у нас есть конина и мясо других животных, которые уходят на юг или возвращаются назад в дни равноденствия. Мы охотимся, потом солим, вялим, коптим. Кроликов замораживаем. Осенью сушим фрукты и овощи, мелем зерно осеннего и весеннего урожая.

— А много нужно заготавливать провизии? — как бы невзначай поинтересовался Тейф. — Сколько вас всего?

— Немного. Все здесь.

— А почему вы живете под землей? — спросила Мэнда. — Почему растите детей в норах, как животные?

Эйкин нервно повел плечами.

— Наши предки пришли сюда, спасаясь от городов. Мы живем, как жили они. Это наша земля.

— Поздравляю, — серьезно сказал Чан. — Ваши предки сумели приспособиться к местным условиям единственно возможным способом.

Эйкин недоуменно покосился на него, потом повернулся к Ксайе.

— Вы прошли долгий путь. Зачем?

— Я ищу Город Мертвых.

Эйкин пожал плечами.

— Если он существует, то только еще дальше, на севере, — сказала Ксайя. — Ты случайно не

знаешь, как нам его найти?

— Не знаю. Я никогда не был на севере и не встречал того, кто был.

— Но Город существует?

— Не знаю.

— К северу от вашего стойбища живут другие люди? — поинтересовался Чан.

— Не могу сказать. Насколько я знаю — нет. На севере нельзя жить.

— А как ты считаешь, стоит нам идти дальше — искать этот Город Мертвых? — неожиданно спросил Тейф.

Прежде чем ответить, Эйкин улыбнулся своей странной улыбкой.

— Если решите идти, возвращайтесь этим же путем. Можно снова переночевать здесь. — Он протянул гостям миски с мясом. — Ешьте! Разве вы не голодны?

Путешественники поели, потом ополоснули лица и руки талой снеговой водой, которая тонкой струйкой текла из трубы в стене, и не без некоторой неловкости воспользовались дальним углом пещеры, который служил племени туалетом. К счастью, обитатели пещеры не докучали им чрезмерным вниманием, лишь какое-то время спустя дети принесли им еще мяса и вареные

овощи.

Прошло еще около часа, потом Эйкин и его люди начали устраиваться на ночлег на постелях из мехов и охапок соломы. Путешественники тоже решили готовиться ко сну. Застелив соломенный тюфяк дорожным плащом, Ксайя со вздохом облегчения опустилась на него и, сбросив башмаки, стала растирать сбитые до волдырей ноги. Ноги немилосердно ныли, но, к счастью, следов обморожения она не заметила. Что ж, могло быть и хуже.

Вытянув ноги, она огляделась. Эйкин принес им одеяла из кроличьих шкурок, но они были такими грязными и так сильно воняли, что Ксайя не сумела преодолеть брезгливость. Соорудив постель из собственной одежды, она зарылась в нее, от души надеясь, что не замерзнет ночью.

Обитатели подземного жилища погружались в сон. Часть светильников погасили, и темнота наполнилась храпом, вздохами, возней и сытым попукиванием, отчего сходство пещеры со звериной норой еще усилилось. Стараясь дышать не слишком глубоко, Ксайя закрыла глаза. Она помнила предостережения Тейфа, но усталость после долгого пребывания на морозе взяла свое. Постепенно Ксайя задремала.

— Они ничем не лучше животных…

Тихий шепот, раздавшийся над самым ее ухом, заставил Ксайю проснуться. Сзади к ней прижалось чье-то упругое, теплое тело, и она потянулась рукой к кинжалу, который спрятала под свернутой курткой, служившей ей подушкой.

Теплая ладонь с твердыми бугорками мозолей легла на ее обнаженное плечо.

— Все в порядке, Ксайя. Это я.

— Мэнда? Какого дьявола?!..

— Я замерзла, а накрываться этими грязными мехами мне не хочется.

— Мне тоже… — Ксайя беззвучно рассмеялась. — Ладно, оставайся.

— Они просто животные, моя Госпожа. Как свиньи. Хуже свиней. Даже Тейф… Мы с тобой другие. И они нам не нужны… Даже Фом тебе больше не нужен, ведь у тебя есть Сфера, которую ты отняла у Ленга. Пятнадцатая Сфера, принадлежавшая самим Основателям, — такая же настоящая, как те четырнадцать, что болтаются на шее твоего супруга. И ты получила ее не по наследству, как Фом, ты добыла ее, рискуя собственной жизнью!

— И жизнью других, Мэнда.

— Какое тебе дело до других?!.. Тебе самой судьбой назначено править, повелевать. Все

остальные должны лишь исполнять твои приказы. Нужно только пра… — Мэнда вдруг захрипела, словно поперхнувшись. Что-то горячее и липкое потекло по спине Ксайи, и она, втянув ноздрями воздух, ощутила знакомый железистый запах.

Нащупав среди вороха тряпок рукоять кинжала, Ксайя скатилась с соломенного тюфяка и, путаясь в одежде, вскочила на ноги. Свет по-прежнему едва горел, но вся пещера вдруг наполнилась движущимися тенями взрослых и детей. Краем глаза Ксайя заметила Чана, который прижался к стене, неловко выставив перед собой меч. Мэнда лежала у ее ног с перерезанным горлом. Глаза ее были широко открыты, но жизнь уже ушла из них. Над неподвижным телом, сгорбившись, стояла та самая девчушка с косичками, которая вчера так понравилась Ксайе. В руках она сжимала окровавленный нож.

У очага в центре пещеры Ксайя увидела Тейфа. Адмирал был ранен, но его могучая фигура выглядела так грозно, что Эйкин и его люди не осмеливались приблизиться. Вот Тейф взмахнул мечом, и отрубленная голова девочки с косичками покатилась по земляному полу, а обезглавленное тело повалилось на труп Мэнды, заливая его кровью из перерезанных артерий.

Страшная расправа, однако, словно придала храбрости Эйкину и его сородичам. Взрослые и дети, вооруженные ножами и дубинками, перешли в наступление, и адмирал благоразумно отступил, встав рядом с Чаном.

Ксайя, отыскав среди вороха одежды многоствольный пистолет, открыла огонь. Выстрелы в замкнутом пространстве пещеры прозвучали оглушительно. Заряды скоро закончились, но Ксайе удалось повергнуть врагов в замешательство. Воспользовавшись этим, адмирал и Чан ринулись в контратаку, Ксайя тоже взялась за кинжал.

Железные клинки глубоко впивались в тела врагов. Каждый смертельный удар приносил Ксайе такое глубокое удовлетворение, что она даже забыла о своей больной руке. Адмирал тоже не обращал внимания на рану, хотя кровавое пятно у него на животе увеличивалось буквально на глазах. Чан азартно размахивал мечом, и хотя его военная подготовка оставляла желать лучшего, ему все же удалось зарубить троих врагов.

Бой продолжался недолго. Когда все закончилось, Тейф и Ксайя стали стаскивать трупы к центру пещеры. Земляной пол сделался скользким от крови и вывалившихся внутренностей,

но они не прекращали работы, пока последнее тело не было свалено в общую кучу. Только после этого адмирал занялся своей раной, которая, несомненно, причиняла ему сильные страдания. Отвернувшись к стене, он приподнял камзол и стал неловко бинтовать себе живот. Ксайя попыталась ему помочь, но адмирал сказал, что справится, а настаивать она не стала. Ей даже не пришло в голову, что рана может оказаться опасной — гибель Мэнды потрясла ее настолько глубоко, что ни думать, ни говорить Ксайя была не в состоянии.

Из всех обитателей пещеры в живых остались только две женщины и несколько младших детей. Они в ужасе скрючились у дальней стены и, зарывшись в меха, со страхом следили за победителями.

— Я ведь предупреждал!.. — проворчал Тейф, когда Ксайя наконец пришла в себя.

— Предупреждал, — согласилась она. — Прости, я больше не буду сомневаться в твоих словах.

Чана била крупная дрожь. Казалось, он боится Тейфа и Ксайю едва ли не больше, чем недавних противников.

— Я… я никогда ничего подобного не видел, — пробормотал он, стуча зубами. — Их было в

несколько раз больше, но вы убили всех…

— Ты нам помог, — хладнокровно заметил Тейф. — Или ты не заметил?.. Впрочем, я думаю, мы справились бы и без тебя, ведь мы воины, а они — мясники, и этим все сказано. Они обрекли себя, когда не сумели зарезать нас во сне.

Чан несколько раз кивнул.

— Да-да, мясники — правильное слово. Там, в углу, есть и человеческие кости. Я посмотрел: на некоторых видны следы оружия и зубов. Похоже, эти дикари не только подстерегают мигрирующих животных и выкапывают из нор впавших в зимнюю спячку грызунов, но не брезгуют и проходящими мимо путешественниками. Не удивительно, что изгнанники, которых Ленг отправил из Рифтауна на север, так и не вернулись домой… — Он посмотрел на скорчившихся под стеной детей. — Я не исключаю, что в голодные годы, когда нет никакой другой добычи, эти дикари едят слабейших — детей и стариков. Неприкосновенный запас, так сказать… Но о вас они обломали зубы.

— Хотел бы я знать, что сказали бы об этом Основатели, — проворчал Тейф. — Что бы они сделали, узнай, до чего дошли их потомки?..

Ксайя бросила взгляд на укрытое плащом тело

Мэнды. Она не находила объяснения последним словам подруги. Что стояло за ее порывом: тщательно скрываемая любовь или давний честолюбивый расчет? Они знали друг друга много лет, но только сейчас Ксайя стала понимать, что на самом деле стояло за свирепой, нерассуждающей преданностью Мэнды и какие амбиции таились в ее душе. Да, она всегда принимала сторону Ксайи — и в то же время исподволь подталкивала Госпожу к новым свершениям, к новым головокружительным авантюрам…

— Как ты считаешь, они выживут? — спросила Ксайя у Чана, еще раз поглядев на уцелевших женщин и детей. — Ведь их мужчины мертвы…

— Не знаю. — Чан пожал плечами. — Вряд ли. Насколько я понимаю, вы собираетесь забрать их запасы — хлеб, мясо и все остальное…

— Какая разница, выживут они или нет? — вмешался Тейф, прижимая к ране повязку, которая уже начала пропитываться кровью. — Если хотят жить — пусть жрут своих мужей и отцов, их мы забирать не будем. Что касается нас, то мы останемся здесь до утра, а потом вернемся на корабли и отправимся домой. Да, Ксайя, домой… — повторил он, пристально глядя на Госпожу. — Мы дошли до края мира, но не нашли ничего, кроме

варварства и упадка.

— Но мы не нашли Города… — проговорила Ксайя задумчиво. — Однако это не значит, что его не существует, — Она снова посмотрела на труп Мэнды. — Эта экспедиция обошлась мне слишком дорого, поэтому я не имею права сдаваться. Утром мы отправимся дальше.

— Дальше на север? И как далеко ты планируешь забраться? Сколько еще продлится наш поход? — Тейф тяжело вздохнул. — Ну как, скажи на милость, мне убедить тебя, что твои поиски ни к чему не приведут, если, разумеется, не считать того, что ты можешь погибнуть от рук очередной банды дикарей или замерзнуть насмерть? Я не хочу, чтобы ты рисковала собой столь безрассудным образом. Пока жив, я, разумеется, сделаю все, чтобы спасти тебя, но если меня не станет…

Преданность старого адмирала тронула Ксайю до глубины души, но она упрямо покачала головой.

— Завтра утром мы идем дальше. Но прежде нам нужно позаботиться о Мэнде.

— Похоронить ее у нас вряд ли получится, — сказал Чан. — Земля замерзла и стала твердой как железо.

— Можно отнести ее на корабль и похоронить

в море, — предложил Тейф. — Думаю, Мэнда не стала бы возражать, хотя она всегда была никудышным моряком. Она… — не договорив, он вдруг прислонился к стене, опираясь одной рукой на меч, а другой ощупывая окровавленную повязку на животе. Странная бледность разлилась по лицу Тейфа, но как ни уговаривали его Ксайя и Чан, адмирал так и не позволил им взглянуть на свою рану.

8

Только к ноябрю геодезисты и геологи, нанятые ректором Чивианом, определили наилучшее место для Библиотеки. Оно располагалось на склоне холма, вдали и от морских берегов, и от пойменной равнины ближайшей реки. Геологи установили, что даже в отдаленном прошлом это место никогда не затапливалось. Самая высокая на острове гора — недействующий вулкан с крутыми, почти отвесными склонами (который, как утверждал Чивиан, все равно может проснуться, когда изменится угол наклона оси планеты) — тоже находилась сравнительно далеко от предполагаемого места строительства, однако Чивиан продолжал вздыхать.

— Абсолютно безопасного места для Библиотеки не существует в принципе, — сказал он Фому. — Во всяком случае, не на нашей планете. Но если мы врежемся в скальное основание достаточно глубоко, у нас появятся хоть какие-то гарантии того, что мудрость Основателей переживет все катаклизмы.

В ответ Фом лишь неопределенно крякнул. Он

и ректор стояли на вершине холма над местом будущего строительства. Из низких свинцово-серых туч, повисших, казалось, над самыми их головами, сыпалась ледяная крупа. Внизу расстилалась широкая долина, вдали виднелись мокрые, словно нахохлившиеся крыши Орклунда, за ними темнело неприветливое море. Над морем мутно-белым пятном повисло закрытое облаками солнце. В это время года оно уже не поднималось высоко над горизонтом. Вскоре оно вовсе исчезнет, и настанет долгая полярная ночь.

Зима и в самом деле уже стояла на пороге, однако ректор все же настоял на начале работ. На склоне холма появились бригады рабочих, которые, сдвинув в сторону надоедливый пур-пур, врубались в непаханую землю и выбрасывали из котлована грунт и щебень, добираясь до скального основания. Ректор обещал Фому, что монументальное здание Библиотеки будет видно даже из Орклунда, однако до этого момента было еще очень далеко. Строителям предстояло затратить немало сил, прежде чем последний кирпич ляжет на свое место.

— Меня беспокоят не столько проблемы, с которыми могут столкнуться грядущие поколения, сколько трудности, которые я с вашей подачи

вынужден навязывать поколению нынешнему, — заметил на это Фом. — Основание холма состоит из прочного базальта. Выкопать котлован нужной глубины будет очень, очень нелегко.

— Ерунда, — отмахнулся ректор. — У нас есть взрывчатка. Да и работников в случае необходимости можно найти больше.

Дешевую рабочую силу действительно можно было набрать среди побежденных британцев, но Фом не спешил с решением, прекрасно понимая, что появление в стране недавних врагов не встретит поддержки населения. Кроме того, подобный шаг грозил дальнейшим ухудшением отношений между Зиландией и Британией. Но едва ли не больше всего его смущало то обстоятельство, что все эти меры он вынужденно принимал без ведома Ксайи, не говоря уже о ее одобрении и согласии. Ректора, напротив, это нисколько не волновало, и Фом понимал почему: Чивиан считал, что раз Госпожа не вернулась на родину осенью, значит, она, скорее всего, застрянет на Поясе до конца весны, и следовательно, можно не бояться, что она помешает осуществлению его планов.

— Думайте масштабно, Спикер, — посоветовал Фому Чивиан. — Не стоит застревать на частно-

стях, для этого у вас есть специалисты. Вы должны держать в уме конечную цель. Не забывайте: это будет не просто библиотека, а целый комплекс, где кроме ученых поселятся фермеры, служащие, строители и торговцы, обслуживающие нужды крупного научного сообщества. Сеть прекрасных дорог свяжет Библиотеку с Орклундом и другими городами. Кстати, я слышал, один из ее залов собираются назвать в мою честь; это, конечно, весьма лестно, но, говоря откровенно, я вряд ли заслуживаю чего-то подобного. Другое дело вы, сэр… Вашим именем следовало бы назвать весь библиотечный комплекс, чтобы потомки знали, благодаря чьей мудрости и дальновидности остались в сохранности бесценные знания Основателей.

«Скорее уж, меня сочтут величайшим глупцом со времен Посадки», — мрачно подумал Фом. Ситуация вырвалась из-под его контроля с тех самых пор, когда несколько месяцев назад он привел ректора в парламент и позволил ему вербовать сторонников среди депутатов. Ах, если бы только Ксайя была здесь…

9

Солдаты вступили в Город Мертвых, лишь повинуясь приказу. Добровольно вошли в него только Ксайя и Чан — и еще Тейф, который не отходил от Госпожи буквально ни на шаг после кошмарной ночи в подземном жилище Эйкина. Впрочем, адмирал, по своему обыкновению, не стеснялся высказывать собственное мнение вслух. Он сразу же назвал Город Мертвых «нечеловеческим», и Ксайя про себя удивилась тому, как точно подходит это неуклюжее словечко к тому, что открылось ее глазам.

— Это нечеловеческое место, — снова повторил адмирал, шагая вместе с Госпожой по улицам Города. — Даже свет здесь нечеловеческий, — добавил он с плохо скрываемым беспокойством. — Это лиловое сияние идет, кажется, со всех сторон, и совсем не отбрасывает теней. Кроме того, нормальные, людские города стоят на месте, а не плавают вокруг тебя. Нет, Госпожа, это очень плохое место. Ничего полезного мы здесь все равно не найдем, а вот попасть в беду можем легко.

— Ты не прав, — возразила Ксайя, хотя ей и

самой было не по себе. — В чем-то Город Мертвых похож на наши города. Во-первых, он имеет четко выраженную границу, — сказала она, повторяя слова Чана. — Во-вторых, Город явно построен по определенному плану, который наш музейный смотритель попробует нанести на карту.

Вместо ответа адмирал ухмыльнулся и демонстративно пнул ногой мягко мерцавшую стену ближайшего строения, которая тотчас рассыпалась облаком фиолетовых спор.

— Построен?.. По определенному плану? — повторил он. — Это же обычный пур-пур! Весь город на самом деле — просто заросли пур-пура, и ничего больше… — Резкое движение причинило ему боль, и, не договорив, Тейф прижал руку к повязке на животе.

Ксайя озабоченно сдвинула брови. Состояние Тейфа ее тревожило, хотя сам адмирал делал вид, будто полученная им рана давно зажила. А главное, она не могла ничего предпринять, потому что Тейф упорно отказывался от любой помощи.

Хотя насчет Города Мертвых он был во многом прав…

Они все-таки нашли его, хотя выглядел Город совсем не так, как она ожидала. Впрочем, первое, о чем подумала Ксайя, когда увидела впереди

бледное лиловое зарево, что своей цели она достигла и что теперь ее имя навсегда останется в анналах истории. Быть может, о других ее делах со временем забудут, но об этом — никогда. Если, разумеется, она сумеет благополучно вернуться в Зиландию…

После боя в подземной пещере путешественники вернулись к кораблям и продолжили свой поход прежним порядком: суда шли на север по морю, сменные отряды двигались следом вдоль побережья. Наконец настал день, когда солнце в последний раз показалось над горизонтом и почти сразу скрылось. Теперь заснеженную пустыню освещал только рассеянный сумеречный свет, который с каждым днем становился все более тусклым. Чан, сверившись со своими расчетами, сказал, что полярная ночь наступила здесь на несколько дней раньше, чем это обычно происходит на широте Арарата и Орклунда. Это означает, пояснил ученый, что они забрались очень далеко на север, но Ксайя и так в этом не сомневалась. Морозы усилились, земля промерзла почти на метр вглубь, а море превратилось в сплошное пространство пакового льда, способного раздавить самый прочный корабельный корпус. Когда суда больше не могли следовать за

отрядом, Ксайя распорядилась построить сани с полозьями из полированного корабельного дерева и упряжью из просмоленного брезента, рассчитанной на могучих боевых коней, которые все это время провели в корабельных трюмах. На сани погрузили еду, палатки, запасы топлива и сена, впрягли в постромки коней с крепкими шипованными подковами, и путешествие продолжилось. Когда же кони, не выдержав тягот долгого пути, один за другим пали и были съедены, в сани впряглись люди.

Это был беспримерный поход. Люди демонстрировали невероятное мужество и упорство в борьбе с трудностями, но под конец Ксайя осталась единственной, кто все еще верил в успех. И никакими словами не описать, что почувствовали усталые, измотанные, обмороженные люди, когда передовой отряд разведчиков заметил далеко на горизонте странное лиловое сияние.

Наверное, исчезнувшая раса, которую на Земле-2 называли Мертвыми, ничем не походила на людей, если построила такой город. Даже освещение здесь было странным — «нечеловеческим», как верно подметил Тейф. Светильников путешественники не увидели. Вместо них неярким лиловым светом светились сами дома и

мостовые. Этот свет напоминал полярное сияние, колышущиеся полотнища которого вспыхивали над Городом, когда небо ненадолго освобождалось от туч. В такие моменты казалось, будто усыпанный звездами небесный свод — просто зеркало, где отражается это творение чужого разума.

Но главной странностью Города Мертвых было, пожалуй, его непрерывное движение. Улицы, дома, целые кварталы постоянно менялись, деревья, казалось, вырастали буквально на глазах. Чан утверждал, что и в строении ветвей древоподобных растений, и в расположении улиц (если их можно так, назвать, поскольку Ксайя сомневалась, что широкие бульвары и проспекты выполняли здесь ту же функцию, что и в Орклунде) есть какая-то закономерность, свой особый порядок, разгадав который, они смогут лучше понять, какими были давно ушедшие Мертвые. Каждый день ученый в сопровождении воинов отправлялся бродить по Городу, а потом заносил на карту, которую он составлял, все, что ему удалось узнать за день. Довольно скоро Чан обнаружил, что Город ежедневно меняется, причем не только в мелких деталях, но и в целом, но это его не обескуражило. Изменения, заявил он, в

очередной раз перекраивая свою карту, тоже происходят не хаотично, а в соответствии с какой-то сложной пространственно-временной схемой. Чан, впрочем, не терял надежды разгадать эту загадку, хотя ему очень не хватало «компьютеров» — счетных машин, которые якобы были у Основателей. Эти чудесные устройства, говорил он, смогли бы проанализировать собранные им факты и выдать готовое решение за считаные минуты.

Саму Ксайю между тем больше всего поражало, что все в городе было сделано из пур-пура — вездесущего местного растения (грибка? плесени?), которое доставляло столько неприятностей фермерам и садоводам Зиландии и других стран. Стоило ударить кулаком по стене любого здания, и она превращалась в невесомые темно-красные и фиолетовые споры, которые уносились прочь вместе с ветром, чтобы где-то на другом конце города воплотиться в новое здание, дерево или мостовую.

— Да, это действительно пур-пур, — сказал Чан как-то вечером, когда Ксайя, Тейф и разведчики вернулись в лагерь — несколько хижин-иглу, которые они построили на окраине Города из ледяных блоков. — Только пур-пур, и ничего

больше. Правда, обычно он не светится, однако я слышал, что в глубоких пещерах исследователи находили биолюминесцентные скопления этого организма.

— Некоторые из наших воинов не верят, что Город светится своим собственным светом, — сказала Ксайя. — По их мнению, он просто отражает свет полярного сияния.

— Доказать обратное очень легко. Достаточно принести в хижину пригоршню этой слизи и погасить лампы. — Чан фыркнул. — Типичное свойство неподготовленного ума как раз и заключается в том, что он неспособен воспринимать новое — то, что противоречит сложившимся представлениям и предрассудкам. Лично я считаю, что постоянное изменение городских структур генерирует что-то вроде электрического поля, которое, в свою очередь, взаимодействует с полярным сиянием, как бы включая его, когда это необходимо.

Ксайя покачала головой.

— Никогда не слышала, чтобы пур-пур вел себя подобным образом.

Чан пожал плечами.

— Ничего удивительного. Люди всегда относились к нему как к обычной плесени, которую

надо уничтожить как можно скорее, чтобы на освободившемся месте росла наша земная трава и паслись наши животные. Возможно, только здесь, где не ступала нога человека, это растение способно образовывать сложные живые сообщества.

— Это ты Город имеешь в виду? — ворчливо уточнила Ксайя, и Чан непроизвольно потянулся к своим записям, но потом отдернул руку, видимо, решив, что Госпожа поймет его гораздо лучше, если он максимально упростит свои объяснения.

— Я делаю все, что в моих силах, — сказал он смиренно, — но уже сейчас ясно: разобраться, что же представляет собой Город, по силам только экспедиции со сложным оборудованием, укомплектованной специалистами в различных областях науки. Я могу зафиксировать изменение структур Города только на самом примитивном уровне. У меня нет никаких приборов даже для того, чтобы измерить амплитуду колебаний электрических и магнитных полей, а понять Город путем обычных наблюдений так же невозможно, как невозможно постичь принцип работы человеческого мозга, просто подсчитав количество извилин. Тем не менее я в меру сил описал наиболее характерные элементы городской

структуры, отметил их на карте и попытался рассчитать регулярность и порядок их появления. Закономерности, которые выявил мой анализ, я перепроверил и сделал поправки, потом вычислил поправки к поправкам… — Чан сокрушенно потряс головой. — Иногда мне кажется, что это вовсе не город. Он больше похож на мозг или, скорее, на особую машину для хранения мыслей, идей. Сам характер изменений, их очередность и порядок слишком напоминают мыслительный процесс, который продолжает идти даже сейчас, пока мы с вами сидим здесь…

Ксайя задумалась. Она не совсем понимала, что хочет сказать ученый.

— Если это машина, то кто ее построил? Мертвые?

— Нет, — ответил Чан. — То есть да… В общем, я не уверен, что Город — реликвия давно умершей цивилизации. Мне кажется, он и есть те самые Мертвые или то, что от них осталось. В отличие от старой Земли, биосфера Земли-2 представлена одним-единственным многоклеточным организмом, а некоторые ученые и у нас в Арарате, и у вас в Орклунде считают, что подобное могло произойти только в случае стороннего вмешательства в процесс эволюции. Иными словами,

пур-пур был создан или получен искусственным путем.

— Ты думаешь, это сделали Мертвые?

— Да! Каким-то образом они перестроили всю биосферу планеты от микробов и выше.

— Но зачем?

— Чтобы спасти лучшее, чего они сумели достичь. Их знания, философия и все, что характеризует их как высокоразвитую разумную расу, было сохранено в виде процессов, которые продолжают идти в их живых городах. Кто знает, быть может, такие города когда-то покрывали всю планету…

— Но почему Мертвые выбрали именно такой способ хранения информации?

— Мне думается, он был самым надежным. Отдельные споры пур-пура, разумеется, не вечны, но как единый организм он практически бессмертен, пока светит солнце и пока существует эта планета. Зашифрованная информация никуда не исчезнет, покуда будет существовать Город, а уничтожить его непросто. Вы сами видели, Госпожа: разрушенные здания — я бы назвал их блоками памяти — снова возникают в другом месте, и хотя подчас они имеют иную форму, их функции почти наверняка сохраняются. Разу-

меется, Мертвые должны были предусмотреть и возможность повторяющихся глобальных катастроф. Думаю, именно поэтому они не стали строить город человеческого типа, подобный тому, какой мы видели на Рифе. И нам, кстати, тоже следовало бы задуматься о чем-то подобном, если мы хотим, чтобы человеческий род выжил на Земле-2…

— Постой-постой… — перебила Ксайя, которой никак не удавалось следить за ходом его мыслей. — Какие глобальные катастрофы ты имеешь в виду?

— Разве вы не знаете?! — Чан, казалось, был потрясен. — Я имел в виду изменение наклона оси вращения планеты относительно плоскости эклиптики.

— Впервые слышу. Ну-ка, рассказывай…

Так Ксайя узнала о грозящей человечеству опасности. Она слушала Чана и чувствовала, как кровь отливает от ее лица. Машинально она сунула руку в карман и нащупала Сферу. Достав стальной шар, она несколько раз повернула его таким образом, чтобы то один, то другой полюс маленького глобуса оказался обращен к горящему в центре иглу костру. Наконец она сказала:

— Если ученые в Арарате знают об этом, значит,

и наши должны знать. — Ксайя повернулась к Тейфу. — Почему мне никто об этом не сказал, не предупредил? Ведь предыдущие Спикеры должны были знать!

Тейф засопел.

— У этих придурков свои тараканы в голове. Обладание столь ценной информацией наделяет человека властью, пусть порой эта власть — воображаемая. И конечно, никто не захочет добровольно делиться жизненно важными сведениями с простым народом и его предводителями.

— Я думаю, в данном случае побуждения ваших лидеров не были столь эгоистичны, — возразил Чан. — Наверное, они скрывали эти сведения, потому что боялись паники.

— А в Арарате все знают, что должно случиться? — поинтересовалась Ксайя.

— Конечно. Хоть кого спросите.

— А как насчет паники?

Чан задумался.

— Вы сами побывали в Арарате, Госпожа, и все видели. Скажу прямо: мои сограждане предпочитают не задумываться о проблемах, какими бы серьезными они ни были.

Ксайя порывисто встала и тут же была вынуж-

дена наклонить голову, чтобы не стукнуться о низкий ледяной потолок. Откинув меховой полог, закрывавший вход, она вышла на улицу. Небо было ясным, звезды сверкали на нем, словно осколки стекла, снег искрился и мерцал в сполохах холодного полярного сияния, а посреди бескрайней, застывшей равнины, словно невиданный зимний цветок, горел и переливался лиловым Город Мертвых. Ксайе даже почудилось, будто она слышит, как тихонечко шуршат, перетекая с места на место, миллиарды и миллиарды крошечных пур-пуровых спор.

Темное небо прочертила ярко-белая полоса. Это был метеор — древний, как сама Вселенная, обломок материи, чья жизнь завершилась короткой вспышкой света.

Снег заскрипел под шагами Тейфа. В руках он держал охапку теплой одежды, но, поскользнувшись, выронил свою ношу и вполголоса выругался. Чан, который вышел из хижины следом за адмиралом, подобрал два меховых плаща — один надел сам, другой накинул на плечи Ксайи.

— Оденься, — пробормотал Тейф. — Иначе холод убьет тебя. На градуснике — пятьдесят ниже ноля…

Он внезапно упал на колени, и Чан, бросившись к адмиралу, попытался его поднять, но не сумел. Тогда он накрыл Тейфа оставшейся одеждой.

Неотрывно глядя на Город, Ксайя достала из кармана Сферу и сжала в кулаке, не замечая, как от мороза немеют пальцы.

— Я… я чувствую себя так, словно меня жестоко обманули, — с усилием произнесла она. — Мои предки преодолели десятки, сотни световых лет, чтобы попасть на эту планету. Я обогнула всего лишь полмира, но это путешествие далось мне едва ли не труднее. Все это время я искала сокровище, но… Ведь никакого сокровища нет, правда?

— Вы нашли зашифрованные знания давно исчезнувшей цивилизации, Госпожа. Я не знаю, сокровище это для вас или нет.

Ксайя пожала плечами.

— Не удивительно, что все упоминания о Городе столь неопределенны и туманны. Даже Основатели не сумели понять, что это такое. Что ж, это ничего не меняет… Здесь нет хоть чего-нибудь стоящего для меня или для моего народа. Сама планета намерена от нас избавиться, и когда она это сделает, отвратительный пур-пур выползет из своих убежищ вроде этого и захватит все, что

мы успели создать. Что касается нас, то… видели бы нас Основатели! На деревянных кораблях, с железными мечами и неуклюжими ружьями, мы с трудом продвигаемся по пути, который они уже давно прошли. Какое разочарование для отважных покорителей космоса! Я думаю, Основатели пожалели бы о своем решении высадиться на Земле-2… и вот что я сказала бы им на это!..

И, широко размахнувшись, Ксайя швырнула Сферу в направлении Города.

— Госпожа, нет! — ахнул Тейф. — Зачем… — Он не договорил, согнувшись в мучительном кашле.

— Госпожа Ксайя, у него снова идет кровь! — окликнул ее Чан, неловко прижимая массивное тело адмирала к себе.

Повернувшись, Ксайя опустилась на снег рядом с Тейфом и просунула руку под накидку. Весь правый бок адмирала намок от крови, которая быстро замерзала на морозе.

— Нужно отнести его обратно в хижину, — решила она.

— Нет, Госпожа, это бессмысленно, — прохрипел адмирал. — Зачем тащить меня внутрь сейчас, если утром все равно придется выносить, пока я не завонял? — Он нашел ее руку, и Ксайя почувствовала, как с каждой секундой слабеют

его пальцы. — Пообещай мне одну вещь…

— Что угодно, Тейф!

— Возвращайся домой, Ксайя Уиндру…

Ксайя опустила голову.

— Вернусь. Завтра же мы отправимся в обратный путь. — Она вздохнула. — Спасибо тебе, Тейф, ты сделал для меня больше, чем я заслуживаю.

— И еще… Когда… когда вернешься в Орклунд, отыщи в Швейном квартале женщину… Ее зовут Белла. Найди ее и скажи: деньги, которые я ей обещал…

— Ни слова больше!.. — перебила Ксайя и прижала окровавленную ладонь к его губам. — Отнесем его внутрь, пока мы сами не превратились в ледяные статуи, — сказала она Чану.

10

— Это последние заморозки, — сказал Фом, взбираясь вместе с ректором на холм над строительной площадкой. Едва начавшийся день обещал быть погожим и ясным, солнце все выше поднималось над горизонтом, и рабочие, заканчивавшие отделку подземного хранилища, двигались живее обычного.

Обернувшись, Спикер слегка усмехнулся, глядя, как, пыхтя и отдуваясь, карабкаются по заросшему короткой, обгрызенной овцами травой склону секретари, ученые, другие ректоры, представители различных парламентских партий. Среди них был и Макс — ему исполнилось пятнадцать, и за последний год он так вытянулся, что стал на полголовы выше большинства взрослых. Рядом с ним Фом увидел сухощавую фигуру Яна Стэндиша; учитель и ученик были, по обыкновению, увлечены разговором — оба оживленно жестикулировали, не замечая ничего вокруг.

Все эти люди покинули Орклунд ради церемонии закладки Ста Восьми Книг Основателей в главное хранилище, которое являлось сердцем

библиотечного комплекса. Упрятанное глубоко под землю, в толщу базальтовой скалы, оно было полностью готово, хотя само здание только-только начали строить. Легендарные Книги уже лежали на специальном поддоне непрезентабельной стопкой — толстые, пыльные фолианты, словно приготовленные для погребения. Их никто не догадался прикрыть ни от дождя, ни от солнца, хотя Фом знал, что это — единственные экземпляры древних подлинников.

Следы, оставленные Фомом и ректором на заиндевелой траве, быстро исчезали под лучами солнца.

— Наверное, да, последние, — согласился Чивиан. — Это всегда чувствуется. — Он глубоко вдохнул, раздувая ноздри. Фом тоже чувствовал разлитый в воздухе аромат скорой весны — пробивающейся молодой травы и земли, начавшей отогреваться после долгих холодов.

— Весенний солнцеворот всегда застает меня врасплох, — признался он. — Ведь переход от холодной весны к ее жаркой второй половине занимает всего несколько недель.

— Ничего удивительного, — согласился Чивиан. — Ведь люди как вид живых существ сформировались в тропическом поясе старой

Земли — планеты с умеренными сезонными колебаниями. Но говорят, что даже там люди, жившие в высоких широтах, всегда чувствовали, когда после зимы продолжительность светового дня начинала расти.

— Мы не на старой Земле, а на Земле-2. К чему вспоминать о планете, которую никто из нас никогда не увидит?

Услышав этот хорошо знакомый, хотя и наполовину забытый голос, Фом резко обернулся.

Она стояла перед ним в потускневших, погнутых доспехах, небрежно опираясь рукой в перчатке на груду книг. Позади нее выстроились в ряд несколько воинов, в основном женщин с обветренными, загорелыми лицами, с кожей, покрытой шрамами или следами жестоких укусов мороза. Двое солдат-мужчин держали в руках чадящие факелы, но Фом даже не задумался, зачем они нужны при ярком свете дня.

— Ксайя!.. — Фому хотелось броситься к жене, обнять, прижать к себе, но он не мог заставить себя даже сдвинуться с места. Ему мешали и неподвижно застывший ректор, и раскинувшаяся внизу стройка, которую он начал без Ксайи.

Макса подобные мелочи не смущали. Бросив Стэндиша, он подбежал к матери.

— Мама!.. — Они обнялись, хотя Ксайя, похоже, была в легком замешательстве. Она явно не ожидала увидеть сына таким — выросшим, возмужавшим.

— Ты вернулась! А где остальные, Мэнда, Тейф?

— Они погибли, — негромко ответила Ксайя. — Оба отдали свои жизни, спасая меня от неминуемой смерти. Без них я бы никогда не достигла цели. — Она устало улыбнулась. — Немало солдат и матросов погибли на обратном пути — они утонули, когда мы сплавлялись на плотах через речные пороги. Тейф предупреждал меня об опасности, но я не послушалась и сейчас жалею об этом, хотя… хотя, возможно, иного выбора у меня не оставалось. Из двух моих кораблей назад вернулась только «Кора». Второе судно попало в шторм и разбилось о скалы, а люди… многие пошли ко дну, а те, кто сумел добраться до берега, были съедены дикарями. В общем, путешествие обошлось нам недешево, — добавила она и повернулась к мужу и ректору. — Если хотите узнать подробности — расспросите Чана Гила, ученого из Арарата. Он отправился с нами и записывал все, что происходило во время нашего похода. По-моему, Чан и сейчас записывает… — Ксайя

ухмыльнулась. — Эту повесть стоит прочесть, — добавила она, презрительно поглядев на стопку Книг Основателей, — ведь в ней отражена история нашего мира, наших достижений, а не далекое, никому не нужное прошлое.

Пока она говорила, остальные парламентарии и ученые подошли ближе, образовав подобие полукруга, который с трех сторон охватывал Ксайю, Фома, ректора и Книги. Парламентарии вполголоса переговаривались, пораженные вызывающим тоном Госпожи. Даже рабочие, заметив, что на склоне что-то происходит, прервали работу и замерли, опираясь на свои инструменты.

Фом сделал шаг вперед и снова замер в нерешительности, с некоторым опозданием осознав, что сегодняшняя встреча превращается в некий поворотный пункт, который не только изменит их отношения с Ксайей, но и повлияет на характер совместного управления страной. Рука его непроизвольно поднялась и нащупала Четырнадцать Сфер, висевших у него на шее как ожерелье. Он, впрочем, тотчас опомнился и отдернул руку.

— Я ждал тебя, Ксайя, каждый день ждал… Мне тебя очень не хватало.

— Я знаю… — Ее тон показался Фому искренним.

— Но ты все не возвращалась и не возвращалась. Я не мог с тобой посоветоваться и поэтому откладывал большинство государственных решений насколько мог, но…

— …Но только не это, — закончила она, поглядев на готовое хранилище.

Фом почувствовал, как внутри него закипает гнев.

— Ты столько лет провела вдали от Зиландии. Никто не знал, вернешься ли ты… — Он снова поднял руку и поправил высокий воротник мантии, словно ему вдруг стало душно. — Нужно было принимать решение. Ректор и другие ученые сумели меня убедить…

— Значит, они все-таки рассказали тебе о том, что может случиться с нашей планетой? Угол наклона ее оси изменится, и тогда человечество ждут страшные катастрофы… Да, я тоже об этом слышала.

— Я рассчитывал, что ты вернешься домой после победы над Британией, но тебе захотелось попутешествовать…

— Я не просто путешествовала. Мне хотелось отыскать…

— …Город Мертвых, — вмешался ректор и усмехнулся. — Только глупец способен отпра-

виться за тридевять земель, руководствуясь самой обыкновенной фантазией.

Среди парламентариев и ученых возникло движение, но Ксайя, к великому облегчению Фома, никак не отреагировала на оскорбление.

— И что же вы отыскали на безлюдных равнинах севера, Госпожа?

— Я нашла Город, — спокойно ответила Ксайя, и толпа дружно ахнула. — Да, я нашла и Город, и самих Мертвых — то, что от них осталось. Их мысли, идеи, идеалы и философия — все это и многое другое заморожено, законсервировано в зданиях и проспектах Города, который целиком состоит из пур-пура. Больше там ничего нет. Мертвые ждут, пока люди полностью исчезнут с лица планеты, чтобы вновь заполнить наши города и наши поля своей пур-пурной слизью. Ну а пока они спят — и грезят о былом величии, которое закончилось полмиллиарда лет назад… А мы не меняемся! — добавила она вдруг изменившимся голосом, и одним движением сдернула с шеи Фома ожерелье Сфер, разорвав соединявший их шнур. — Вот величайшая наша драгоценность: реликвия, игрушка, оставленная нам Основателями. Мы слишком привыкли жить с оглядкой на предков. Вместо того чтобы строить новые го-

рода и рожать детей, готовясь встретить грозное и опасное будущее, зарываемся в землю, чтобы сберечь мудрость давно умерших людей. — Ксайя усмехнулась. — Пора забыть о них! — воскликнула она еще громче. — Забыть об Основателях, о Мертвых, о миллиардах людей, которые умерли еще на старой Земле! Их знания и опыт способны сокрушить нас, словно мы плесень на ступнях мраморного колосса. Прошлое должно оставаться в прошлом; единственное, что имеет значение и цену, — день сегодняшний и день завтрашний. Вот почему я заявляю вам: никакой Библиотеки не будет. Я запрещаю строить ее здесь, ректор Чивиан.

Ректор снисходительно усмехнулся.

— Только на строительство фундамента было потрачено немало усилий и средств. Если Библиотеки не будет, неплохо было бы использовать его каким-нибудь иным способом. Вероятно, у вас есть какие-то идеи, Госпожа?

— Есть. Я предлагаю воздвигнуть на этом месте памятник мне — первой настоящей героине Земли-2. Это, во всяком случае, будет лучше любого монумента в честь Основателей и давно потерянной старой Земли.

— Ваше непомерное честолюбие и самонадеян-

ность просто нелепы. Нелепы и смешны!

Теперь уже Ксайя осклабилась.

— Очень может быть, ректор, может быть… — С этими словами она выхватила у ближайшего воина факел и поднесла к Книгам Основателей.

— Не-ет!!! — Чивиан бросился к Книгам, намереваясь закрыть их собой, но воины без труда оттеснили его в сторону. Сухие, как порох, древние фолианты занялись в одно мгновение.

Фом был потрясен действиями Ксайи, и в то же время он чувствовал, как при виде пылающей бумаги и отчаяния ректора в глубине его души растет какая-то мрачная радость.

— Значит, это правда, старый ты дурак… — констатировал он, глядя на бьющегося в руках воинов Чивиана. — Это и впрямь были единственные экземпляры.

Сквозь толпу, размахивая костлявым кулачком, пробился Ян Стэндиш.

— Что вы наделали, Госпожа?! Это чудовищное преступление, которое грядущие поколения будут вспоминать даже спустя столетия!

— Ты прав, ученый. Грядущие поколения действительно будут вспоминать мое «преступление» с благодарностью, ведь я только что их освободила. Неужели вы при всем вашем уме и

познаниях не понимаете, что мы — космические сироты? Старой Земли больше нет, Земля-2 нас отвергла, что касается Основателей, то для них наша цивилизация была всего лишь целью, которой нужно достичь во что бы то ни стало. Сами по себе мы не представляли для них никакой ценности. Я это изменила. Начиная с сегодняшнего дня мы будем строить наш мир таким, каким мы хотели бы его видеть, таким, каким он нам нужен. Вот увидите: очень скоро Зиландия станет центром могущественной империи, которая объединит не только государства Архипелага, но и города Пояса, и протянется так далеко на юг и на север, куда не заходил еще ни один человек.

Ректор издевательски захохотал.

— Амбиции, амбиции… Ну, построите вы свою империю… И что с ней будет, когда начнутся наводнения, землетрясения, извержения вулканов?

— Ничего. Мы выживем и начнем сначала. — Ксайя подняла вверх руки. — Пусть начнутся потопы и ураганы, они очистят нас от гнили прошлого!

— Вам это не удастся, Госпожа! — Чивиан снова рванулся и едва не освободился из рук воинов. — Ваши амбиции приведут лишь к войне,

истребительной войне!

При этих словах несколько парламентариев и ученых бросились вперед, чтобы заставить его замолчать, остальные, напротив, приняли сторону ректора. Взметнулись кулаки, но их удары были слишком неумелыми и слабыми — никто даже не упал. К огромному изумлению Фома, в самом центре волнующейся толпы он увидел Макса.

— Нет! Не надо драться! — выкрикивал юноша. — Подумайте об Основателях! Их Книги сгорели, и с этим уже ничего не поделаешь. Но что бы ни ожидало нас в будущем, мы должны готовиться к этому вместе, сообща! Именно этого хотели от нас Основатели. Так пусть же благодатный мир будет их последним даром нам — их потомкам.

Ксайя тем временем подошла к Фому.

— Какой он уже… взрослый, — проговорила она с кривой улыбкой и снова замолчала. Некоторое время они так и стояли — ни врозь, ни вместе. Наконец Фом сказал:

— По-моему, нам с тобой тоже не помешает немножечко благодатного мира…

— Да. — Ксайя кивнула. — Но сначала мне понадобятся горячая ванна и смена белья.

— Это легко организовать. — Фом кивнул. — А

что потом? Начнешь проектировать собственный памятник?

— Насчет памятника я, конечно, шутила. Хватит с нас мифов и легенд, пора заняться настоящим делом, ведь нужно успеть еще так много!.. Кстати, ты, кажется, хорошо знал Тейфа? Не подскажешь, как мне найти в Швейном квартале некую особу по имени Белла?..

И, отвернувшись от догорающих книг и ссорящихся парламентариев, Фом и Ксайя медленно пошли через луг к городу. На полпути они взялись за руки, а еще через минуту их догнал сын.